

Лага Ани

Я просто хочу,
чтобы
ты ПОМНИЛ...

12+

Лала Агни

Я просто хочу, чтобы ты ПОМНИЛ...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48852340

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93010-0

Аннотация

Роман «Я просто хочу, чтобы ты ПОМНИЛ» – это рассказ о половинках одной души. Близнецовых Пламенах. Вы станете свидетелем невероятной истории: ...Однажды маленькая девочка увидела во сне глаза юноши, которого она знала по прошлым жизням. И много лет она ищет его, оступаясь и ошибаясь, уставая и разочаровываясь... И когда, наконец, находит, ее вовлекают в странную, невероятную игру. Кто он? С кем общается героиня? Почему отвергается даже самая искренняя и преданная любовь? Сможет ли вечная любовь победить земные препятствия?

Содержание

О книге	5
Предисловие от автора	7
Тем временем, в облачном доме, на потерянной планете	13
Обещаю	17
Детство. Юность	29
Моя мама	32
Маленькие радости	58
Перемены	68
Солнце и Луна	77
Черная свадьба	83
Фархан Али	100
Исцеление	110
Родственные души	133
По воле Судьбы	151
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Лала Агни

Я просто хочу, чтобы ТЫ ПОМНИЛ...

Все персонажи, имена и события в произведении являются вымышленными, любые совпадения с реальными людьми случайны.

Все права защищены.

Охраняется законом об авторском праве.

Воспроизводить какую-либо часть этого издания в любой форме и любым способом без письменного согласия автора запрещено.

Связь с автором alla_star@att.net

© Лала Агни

О книге

Вы держите в руках книгу, в которой рассказывается о невероятной истории любви, подобной которой, пожалуй, мир ещё не видел.

Это повествование о чувстве, которому нет ни начала ни конца, оно вне времен, веков и расстояний.

Это история истинной любви, которую герои романа пронесли в своих сердцах через множество жизней.

Эта книга о Близнецовых Пламенах – двух частях одной Души.

В романе рассказывается, как они в очередной раз пришли на Землю – для того, чтобы снова вспомнить друг друга, искать, найти, любить, страдать и быть счастливыми.

Между ними моря и океаны.

Между ними страны и континенты.

Между ними все мыслимые и немыслимые препятствия и преграды.

Но им предназначено судьбой снова обрести друг друга.

Думаю, что книга сможет настолько глубоко затронуть ваше сердце, что жизнь ваша уже никогда не будет прежней. И вы изменитесь вместе с нею.

Вы научитесь быть любящими. Смелыми. Удачливыми. Счастливыми.

И вы поймёте, что все в ваших руках.

Эта история может потрясти не только вас. Я не удивлюсь, если она потрясёт весь мир.

Елена Руни,

член Межрегионального Сообщества Писательских Союзов

*** * ***

Хочу выразить огромную благодарность, тем, без кого эта книга никогда не была бы написана.

Моему главному редактору, чудесной подруге и вдохновителю Елене Руни, близким подругам Елене Покленковой и Алене Кариус – за любовь и поддержку.

Моей дорогой маме и моим сыновьям.

Мишель Медисон за помощь в создании обложки.

Замечательным, невероятным людям, тем, кто в меня верил и всегда поддерживал – огромная Благодарность.

Всем Любви. Ваша Лала

Предисловие от автора

*И мне до тебя, где бы я ни была,
Дотронуться сердцем не трудно
Опять нас любовь за собой позвала
Мы память, мы память, мы звездная память
друг друга
Роберт Рождественский*

Вы держите в руках историю удивительной, всепоглощающей любви.

Любви, в которую очень сложно и трудно поверить...

Знали ли вы, задумывались ли вы когда-нибудь о том, что Любовь – это то, из чего создано все в этой Вселенной? Живое и неживое. Радость и боль. Горе и счастье. И мы с вами.

Задумывались ли вы о том, что Любовь не имеет ни начала ни конца. Она не появляется и не исчезает. Это нечто, что было, есть и будет. Это то, что существовало всегда и будет впрямь существовать вечно.

Нас много веков учили жить в страхе перед смертью. И мало кто задумывался о том, что смерти, как таковой, нет и быть не может. Ничто и никогда не заканчивается, а лишь продолжается снова и снова. Смерть – это трансформация, переход из отжившего в новое.

То, чем вы являетесь, отнюдь не является только ваши телом. Тело – это лишь оболочка вашей бессмертной души. *Вы*

были, есть и будете всегда. И если вы любили кого-то, то эта любовь будет жить вместе с вами вечно и бесконечно. *Потому что Любовь – вечная, чистая, истинная и настоящая – она так же вечна, как и вы.*

Эта история именно о такой любви. И я должна рассказать ее вам, потому что сама являюсь живым свидетелем того, что *смерти нет*, того, что *и душа, и любовь – вечны.* Мы в суете сует ежедневных забот забываем о величии духа и силе этой самой Любви, а я хочу чтобы вы вспомнили.

Это история о тех, кого сейчас называют «*Пламенные Близнецы*» или «*Близнецовые Пламена*».

Говорят, что изначально во Вселенной души Пламенных Близнецов были полностью объединены и существовали как Одно Единое Целое. Миллионы цельных, ярких, красивых, наполненных душ. Но цельные души не могут жить в замкнутом однообразном мире, они должны развиваться, расти, совершенствоваться. Для этого они и отправляются из своего идеального бестелесного мира на другие планеты и для полноты жизненной картины делятся на две части, чтобы пройти как можно больше воплощений за короткий срок и обменяться опытом и знаниями.

Одна душа делится на две части, две половинки, одна из которых несет в себе *мужскую энергию (Янь)*, а другая – *женскую энергию (Инь)*.

Где бы они ни были, как бы далеко ни находились друг от друга, они, эти люди с разделенной душой, по своей сути яв-

ляются *одним целым*. Или, как говорят в народе, у них одна душа на двоих.

Мы помним древние легенды и мифы о разделенных половинах одной души. У разных народов, в разных землях, в разное время. И это не сказка. Близнецы или Половины были всегда. Но они весьма и весьма редко приходили в своем физическом воплощении на Землю в одно и то же время, и в одну и ту же жизнь. Если один жил на Земле, то другой находился в ином измерении и служил своему близнецу Ангелом Хранителем: тем, кто помогал, и тем, кто поддерживал невидимо и незримо свою половину. Его можно было только чувствовать, ощущать. И если все же видеть, то разве что во снах и в видениях между сном и реальностью, в пограничье, в Сумраке, в Межмирье.

Но сейчас мы живем в совершенно особое время. Время, когда Земля проходит очень важный процесс трансформации. Вот именно для этого процесса и были призваны Близнецовые Пламена, живущие в одно и то же время в одной и той же жизни и оба в своем физическом теле.

Высшие Силы снова воссоединяют их, *чтобы восстановить единство всех творений и разрушить дуальность сознания – источник таких страшных пороков, как алчность, эгоизм, зависть, похоть, жестокость*. Все сокровища Пандоры.

Отношения Пламенных Близнецов выходят далеко за пределы всех определений отношений между мужчинами

и женщинами на этой планете. Они могут быть супругами, друзьями, любовниками, просто хорошими знакомыми и единомышленниками. Они, если поняли, кем являются, если «проснулись» сами, любят друг друга безмерно, душой, ощущая себя частью одного целого. Они понимают своего партнера с полувздоха и полумысли. Они, если находят друг друга в одной жизни, призваны для высоких целей, великих идей, светлых свершений. Они призваны разбудить человечество, улучшить и гармонизировать жизнь миллионов.

Их нельзя не заметить. Обычно мы в первую очередь замечаем брачные или любовные союзы, где один дополняет другого, где Пламенные Близнецы вдвоем добиваются высот в науке, искусстве, укреплении мира, создании и возвышении государств.

Часто миссия их на Земле не из легких. Многие, осознавая себя Близнецами и найдя свою половинку души, боятся насмешек и недоверия окружающих и скрывают свою истинную суть.

Союз Близнецов – это своего рода единое поле постоянного доступа к более высоким частотам. Высоким вибрациям. Но на физическом уровне – это как жить внутри действующего вулкана. Нужно жить сразу в двух измерениях. В двух телах. В двух жизнях.

В двух энергиях – божественной мужской и божественной женской. В Инь и Янь. И именно объединёнными эти энергии создают жизнь на всех планах и уровнях Вселенных. И

проявляет Бог себя в каждом из нас! *Каждый из нас несет в себе Божественную Силу и Свет, Мудрость и Знания.*

Вы спросите: «Как я могу найти своего Близнеца?» Ответ прост: никак. Если он или она живут с вами сейчас в одно время на одной планете в своем физическом воплощении, они появятся в вашей жизни тогда, когда для этого придёт время. Даже если вы этого не хотите. Ваша встреча произойдет, когда придёт правильное время, и вы оба будете готовы для этого опыта.

Встреча Пламен – это прежде всего *духовный рост*, самоисцеление как на эмоциональном, так и на умственном и физическом уровне. Эти отношения выходят далеко за пределы эго, физических ограничений, возрастных, религиозных или социальных различий. Вы оба будете вынуждены стать *лучшим и высшим проявлением вашей души здесь, на планете Земля*. Это происходит не сразу, конечно. Каждая половина должна изначально сбалансировать свою внутреннюю мужскую или женскую энергию, прежде чем они смогут объединиться. Пламенные – это поток тотальной безусловной любви и бесконечной светлой энергии.

Как я уже написала ранее, многие знают о том, что человечество стоит на пороге качественного скачка в сознании. Просветленные люди готовятся к этому по-своему, понимая, что грядет время, когда люди начнут «просыпаться». Мы начнем вспоминать, кто мы такие, где наши истоки и в чем наш потенциал. Все это нужно для того, чтобы взять на

себя ответственность и за себя, и за планету, на которой мы все живем.

Просвещенные считают, что Пламенные Близнецы призваны сделать особый вклад в этот процесс. Когда Близнецы объединяются, они порождают вихрь энергии, что можно увидеть как свет во тьме сознания общества, погрязшего в материальном. Дополняя друг друга, целое становится больше, чем сумма его частей. Две силы Близнецов создают третью. И эта сила является очень мощной. Это сила света и любви очень высокой вибрации.

Моя душа, моя любовь, мой самый близкий и самый далекий, мое дыхание и биение моего сердца.

Я нашла своего Близнеца, мою душу и всю мою жизнь без остатка. Как это, жить с одной половиной души, всю жизнь искать Его, а найти и увидеть, что между вами – пропасть? Как жить? Я расскажу.

Тем временем, в облачном доме, на потерянной планете

«...Как это, жить с одной половиной души, всю жизнь искать Его, а найти и увидеть, что между вами – пропасть? Как жить? Я расскажу.»

Женщина с белыми волосами положила листок с текстом на прозрачный стол, парящий прямо перед ней и откинулась на изящную резную спинку кресла цвета слоновой кости.

Стол покачивался, как на волнах, от легкого океанского бриза, залетающего в зал через огромные открытые окна, и казался довольно неустойчивой конструкцией безумного романтического скульптора. Однако синяя крупная ваза с пунцовыми пионами, выгладевшими настоящими, стояла на нем, как влитая.

Женщина глубоко вздохнула, подняла голову и посмотрела на удивленных своих собеседников.

– Она начала писать книгу.

– Уже? Сколько же ей лет?

Черноволосый мужчина лет сорока, атлетического телосложения, в голубом пуловере грубой вязки и темно-синих джинсах, полулежал лениво на белой софе, закинув ноги в узких мокасинах на кожаный пufфик в виде носорога. На по-

лу были разбросаны раскрытые журналы с фотографиями лошадей и старинных машин. Пожелтевшие, ломкие страницы журналов намекали на их почтенный возраст. Нервально красивый, с темными глазами миндалевидной восточной формы и идеально вырезанными чертами лица, мужчина этот словно тоже сошел с обложек модных изданий середины-конца 20 века.

Он улыбнулся и уточнил:

– Тридцать?

– Скоро 40, – женщина с белыми волосами, которой могло быть и сорок, и пятьдесят, и шестьдесят пять, с абсолютно стертыми границами возраста, ухоженная и элегантная, рассеянно посмотрела на мужчину, словно или не видела его привлекательности, или привыкла к нему за долгие-долгие годы.

– Это не поздно? – почему-то обеспокоился он.

– Раньше она об этом не думала. И мы ничего не смогли сделать. Хотя старались.

– Прошло уже 40 лет? Время течет быстро. – молодая высокая девушка с гибкой грацией вспорхнула с кресла и приблизилась к окну. Беспокойно посмотрела на мирную водную гладь, лениво колыхавшуюся внизу.

Дом стоял на обрыве? Парил в воздухе?

Сощурила красивые карие глаза.

Над океаном закрутилось вихрем, возникло из ниоткуда и повисло одуванчиковой пушистой шапочкой белое облако.

– Я не буду читать. Я бы не хотела опять увидеть ее жизнь. Мне тяжело. Я до сих пор думаю, что надо было тогда вмешаться и помочь.

Женщина с белыми волосами недовольно взмахнула рукой.

– Птица, опять? Мы же договаривалась. Нам можно только наблюдать. Не вмешиваться.

Девушка со странным именем Птица судорожно дернула плечом, словно отгоняя неприятные воспоминания, провела тонкой рукой по темным волнистым волосам.

– Хорошо, что у них там время идет так быстро. Иначе эти мучения выглядели бы бесконечными. – кажется, голос ее звучал немного глухо и сдавлено.

– Время везде течет как всегда. То есть никак не течет. Потому эти страдания действительно кажутся бесконечными. На всех гранях Вселенной. Как и радость. Ты забыла? – можно было бы сказать, что негромкий голос раздался из дальнего угла светлой гостиной, как бы зависшей между небом и морем, но, скорее, она была круглой или такой большой, что невозможно было увидеть углы. Только светлая удобная мебель, картины на стенах с раковинами, потерянными островами и флегматичными осьминогами, пьющими красное от заката море утонувшими бокалами.

– Ты забыла? – повторил голос. Четвертый участник разговора, статная рыжеволосая женщина с золотыми веснушками, похожая на повзрослевшую васнецовскую Аленушку, задумчиво вертела в руках кисточки и смотрела то

на чистый холст, то на девушку, словно собиралась сию минуту поймать отблеск солнца и закатными красками написать ее портрет.

Рука Птицы застыла и запуталась в волосах. Время замедлилось.

– Я забыла. Но я хочу вспомнить.

Обещаю

Это произошло через несколько недель после того, как я нашла *ЕГО*...

Ничего мистического я не делала. Я просто готовила обед для своих детей. Был обычный ноябрьский день. Вокруг меня бегал маленький пёсик, таксеныш Максик. Как вдруг перед моими глазами *все исчезло*...

Я увидела место, в котором было слишком много предметов цвета охры и шафрана. Я ощутила жар и боль. Боль узнавания. Скучная растительность. Горячее небо и земля. Сухой пустынный пейзаж, который при этом был до боли красив...

Я увидела мужчину и женщину. *Я ЗНАЛА*, что эта женщина – я. Но было это давно. Сотни лет тому назад. Мужчина сидел на земле и держал на руках женщину, которая умирала. И в следующий миг я была там. Я была этой самой женщиной. Меня терзала адская боль в груди. Никакими словами не описать эту боль. Но почему-то, гораздо сильнее чем эта боль, была боль душевная. *Я ДОЛЖНА БЫЛА ЕГО ОСТАВИТЬ*. А мне этого до крика, до отчаяния делать не хотелось...

Я так любила его! О! Как же я его любила! *Я была соткана, создана из этой самой любви! Мы были одним целым. Единым*. Расстаться с ним было невыносимо. Но мое время пришло, я ничего не могла с этим поделать.

Мне было около сорока лет. Я выглядела практически так же, как и сейчас, но мои волосы были заплетены в очень длинную косу, а одежда на мне была почти невесомая, яркая и легко узнаваема. Индийское сари.

Мужчина рыдал. Он рыдал от боли, от отчаяния и безысходности. Он знал, что я уйду. Он знал, что никто и ничто мне уже не поможет. Он крепко прижимал меня к себе и повторял снова и снова: «Лала... Лала... Обещай! **ОБЕЩАЙ МНЕ!!!! ТЫ НАЙДЕШЬ МЕНЯ... В ТОЙ, ДРУГОЙ ЖИЗНИ, ТЫ НАЙДЕШЬ МЕНЯ!!!!**

Обещай мне, Лала! Обещай мне!!!!»

Я хотела назвать его имя, но у меня ничего не получалось. Я не могла его вспомнить. Еще мне до боли хотелось дотронуться до его лица. Хоть чуть-чуть, хоть кончиками пальцев. Я чувствовала как по моим щекам текут слезы.

«Пожалуйста, – я взмолилась мысленно кому-то, – дайте мне почувствовать его». У меня появились силы поднять руку и коснуться его мокрого лица. Я смогла заглянуть вглубь его невозможных, невероятных глаз.

«ОБЕЩАЙ!... ТЫ НАЙДЕШЬ МЕНЯ В ТОЙ, ДРУГОЙ ЖИЗНИ!»...

«ОБЕЩАЮ, – сказала я, – ОБЕЩАЮ!»

И все исчезло...

Я с удивлением обнаружила себя сидящей на полу в своей кухне. В руке я все еще сжимала нож, которым недавно что-то резала. Таксеныш прыгал вокруг меня, пытаюсь облизать

мое лицо, по которому текли слезы, а в груди была невероятная, жуткая боль. Если бы меня кто-то увидел сейчас со стороны, то, наверное, решил бы, что видит женщину, которая попросту не в себе. Я рыдала. Я прижимала к груди малыша таксика и шептала как заклинание *«Я нашла тебя... Видишь?... Я нашла тебя... Нашла тебя... Нашла тебя!»*.

Так вот почему, чуть ли не с самого раннего детства, меня преследует эта странная боль в груди, которая иногда становится совершенно невыносимой. Десятки кардиограмм и осмотров ничего не могли выявить. А все оказывается просто. Эта боль последовала за мной в эту жизнь.

Я нашла его.

Обещала найти и нашла. Но разве мне от этого легче?

На мое отчаяние и слезы была причина. Тот, кому я дала обещание его найти в той, другой жизни, в этой жизни был одним из самых ярких и известных людей Мира. Он был кинозвездой. Его знали, любили и боготворили миллионы людей. У него были те же невероятные темные глаза-озера, что и тогда, в той жизни. У него были те же красиво очерченные губы, те же непослушные густые темные волосы.

Только теперь Он был одним из самых высокооплачиваемых актеров Голливуда. Обладателем множества престижных наград, одним из самых уважаемых и любимых, как критиками, так и простыми людьми, звезд мировой киноиндустрии.

Его называли Богом перевоплощений. Он был тем, у ног

которого лежало полмира. Он был живой легендой. Его имя знали даже дети. Им восхищались, и феномен его популярности и магнетизма не мог объяснить никто. Он был Звездой во всех смыслах этого слова. И еще у него была жена и дети, слава и власть, могущество и поклонение...

*И он же был тем самым мужчиной, которому я обещала найти его в ЭТОЙ жизни. И в этой самой жизни он был так же далек от меня, как самая далекая Галактика. Дотянуться до него мне, которая в этой жизни была обычной женщиной, не было никакой возможности. Но я дотянулась! Дотянулась, свершив, по логике вещей, то, что было **АБСОЛЮТНО НЕВОЗМОЖНО**. Но есть Судьба и есть Карма, и есть обещания, которые надо выполнять.*

Вот только около сорока лет моей нынешней жизни ушли на то, чтобы наконец найти его. А еще... Мне кажется, что за последние пять лет я прожила не менее тысячи жизней. Именно столько времени мне понадобилась, чтобы не просто дотянуться до него, великого и недостижимого, но и заставить его поверить мне, заставить **ВСПОМНИТЬ**. Нет, я не могу и не должна говорить, что сделала это сама. Сама я, увы, узнав кто он такой, не стала бы делать ровным счетом **НИЧЕГО**. Но вмешались те силы, которые должны были вмешаться, и я сделала то, что я сделала. Чего мне это стоило, и как мне это удалось? Через что пришлось пройти, и как получилось не сдаваться и не сломаться? Я расскажу об этом все.

– О, да, – скажете вы, – я знаю, что такое Близнецовое

пламя. Когда любовь лишает тебя сил и одновременно расправляет твои плечи и окрыляет, лишает сна, но вдохновляет на творчество и свершения, отнимает разум, и потом, слабого, доброго и крылатого, сбрасывает с облака вниз. На камни. И убивает тебя. А потом, может быть, ты воскреснешь. Но со временем... Очень не сразу. И если повезет, то сердце будет продолжать биться и жить дальше. Не всегда хорошо. Не всегда в такт дыханию. Частичка тебя навсегда останется там, на камнях. И никогда не поднимется.

Скорее всего, вы не будете правы. Это не Близнецы. Возможно, вы встретились с вашими *Кармическими партнерами*. Они и Близнецовые Пламена очень похожи, и их часто путают. Кармические партнеры не были сотворены близнецовыми душами и не являются одной сущностью или одной душой. Это две разных сущности, которые более одной жизни были вместе. Любили друг друга, были женаты, обожали и ненавидели, рожали и воспитывали потомство. Кармическими могут быть не только те, к кому мы испытываем романтические чувства, называемые любовью. В большинстве случаев почти все люди, которых мы встречаем в жизни как-то связаны с нами по прошлым воплощениям.

Факты и многолетние опыты и исследования сделали отрицание реинкарнации по крайней мере странным. Это было бы отрицанием очевидного. Но всегда были и есть люди не желающие что-либо признавать, какое бы количество доказательств вы им ни предоставили. Я множество раз в жизни

сталкивалась с такими. Ну что же. Это нормально. У каждого свой путь, свое видение мира и свое время, чтобы проснуться, чтобы понять, узнать, увидеть, *вспомнить*.

Меня, например, искренне удивляют люди, все еще считающие, что мы живем всего один раз. Я всегда спрашиваю таких:

– Скажите. *Где вы были до того*, как стали вашим физическим воплощением?

И люди не знают, что ответить. Ведь это логично и очевидно, что всего за одну жизнь, душа не может достичь высокого уровня развития. Однако все мы находимся на разных ступенях духовности, разумности, удачливости, богатства, человечности, любви. За что кому-то все, а кому-то крохи? Почему так неравноценно распределили духовные и физические дары? Как понять некую высшую справедливость, если таковая существует? Мы должны принять, что наши исходные данные – это не навсегда. Это всего лишь одна ступень.

Все в природе имеет форму спирали. Мы сталкиваемся с дежавю на каждом шагу. Мы встречаемся с людьми, которых никогда ранее не видели, но глубоко внутри нас живет ощущение, что мы знаем их тысячу лет. При современной доступности информации, за которую более не сжигают на кострах инквизиции, все еще есть множество людей, не знающих или отрицающих то, что существуют триллионы Галактик, Планет и Солнечных систем. Была даже озвучена теория того, что и Вселенная вовсе не единична.

Так как же при этом можно искренне верить, что есть только наша Земля, есть только мы, и что придет Иисус (Будда, Мухаммед, Моисей) и всех нас спасет? Почему? Потому что так привычно. Так комфортно. Так спокойно. Ведь куда легче возложить всю ответственность на божью волю, чем сделать что-то самому. Но обычно позиция ожидания не несет перемен в жизни, прячет от нас наши победы, не дает раскрыться нашим талантам, уносит нас на новый однообразный виток повторения той же жизни в следующем воплощении.

Изменения произойдут только тогда, когда сам человек возьмет ответственность за свои мысли, чувства, поступки, на себя! *И сам осознанно станет творить свою реальность.* В этой и всех последующих жизнях. До тех же пор ничего не изменится.

Реинкарнации посвящены многолетние исследования ученых с мировыми именами и сотнями тысяч опытов и документов, написаны сотни книг. Некоторые из самых известных из них: Книга Раймонда Моуди *«Жизнь до Жизни. Жизнь после Жизни»*. Книга Майкла Ньютона *«Путешествия Души»*. Брайан. Л. Веисс *«Много Жизней, Много Учителей»*, и многие другие.

Реинкарнация – это один из основополагающих законов Вселенной, и отрицать это, не приняв как минимум за версию, было бы так же странно, как отрицать, например, воздух, которым мы дышим. Все мы живем сотни и тысячи жиз-

ней, и не задуматься над этим в наше время при наличии стольких данных уже невозможно. Как невозможно становится отрицать и то, что существует несчетное множество других Галактик, Солнечных систем и планет.

Но вернемся к нашей Любви. Кармические любовники и Кармические партнеры испытывают очень похожие чувства, такие, как и Пламенные Близнецы. Они чувствуют магнетическое притяжение, не имея никакой возможности это объяснить. *Потому что одна душа узнает другую.* Эта узнаваемость происходит на уровне внутренней осознанности, нашей Сути. Легкими такие отношения не бывают никогда. Но шанс на то, что удастся пройти через все испытания и быть вместе, у них есть, и немалый.

Но Близнецовые Пламена (Twin Flames) – это порождение одного духа, они являются одной душой, которая приходит в физическую жизнь в теле двух человек. Но по сути они все равно являются одним целым. Это легко понять, если смотреть на символ «Инь-янь» или на одну ракушку, состоящую из двух половин. Два, но одно. Одно, но два. То есть я и мой Близнец – это одно яблоко, разрезанное на две половинки. Я – манифестация этой сущности в женщине. Он – в мужчине. Итак, Близнецы приходят на землю как мужчина и женщина. Но они могут быть разного возраста, социального положения, находиться на разных концах Земли. Что очень явно в них – это и невероятная схожесть почти во всем.

Само по себе слово «близнецы» означает что? Абсолютно

похожи, не так ли? Но у Блинецовых Пламен или Половин эта похожесть особенно видна в глазах, они зеркалят, отражаются друг в друге.

* * *

– Знаешь, я ведь, когда хотела умереть от моей любви, вернее, от его нелюбви, была уверена, что встретила своего Близнеца. Мы одинаково думали, смеялись, спорили, любили одинаковые фильмы и книги, у нас были такие безусловно одинаковые глаза, что окружающие вначале думали, что мы брат и сестра.

Рыжая «Аленушка» улыбается и откладывает кисть. На загрунтованном белом холсте взмывают знакомые легкие тени волн. Краски полупрозрачные, светлые, кажется, что мягкое бирюзовое море за окном отразилось, как в зеркале, в начатой картине, рассыпалось круглыми стеклянными гладкими бусинами, шуришит, звенит и перекачивается от ветра...

Постойте, какое море?

За распахнутыми окнами – горы. Скалы-великаны с огромными насупленными каменными бровями на крупных лицах, изрытых трещинами и провалами, морщат свои любопытные длинные комковатые камни-носы, закутанные снежными шарфами. Сиреневые тучи, вытягиваясь в длинные нити, вползают в комнату, где собрались те, кто толь-

ко наблюдает.

Женщина с белыми волосами вяжет из этих сиреневых ниток цветы. Колокольчики. И ставит в вазу. Хрупкая девушка Птица замерла с одним из лиловых цветков в руке и широко раскрыла глаза, слушая рассказчицу.

– Жанна, неужели ты хотела умереть от любви? – брюнет грозит художнице пальцем и тихо смеется. – Не верю. Скорее, умер мужчина, которого ты променяла на свои краски, картины, травы и цветы!

Жанна, не приняв комплимента, серьезно качает головой.

– Ну я думала, что моя жизнь разбита. Потому что без него я не могла дышать. А как не дышать на Земле? Не жить. НЕжить. Мертвец.

– А как ты узнала, что он не Близнец? А кто? Кармический? – Птица прямо сжалась от любопытства.

Жанна смотрит на взволнованную Птицу:

– Да. Кармический. Поняла, когда почти умерла. Когда уже или упасть на дно и лежать там, или оттолкнуться. Я оттолкнулась. Пошла вверх. Нашла новое занятие, друзей. Сделала карьеру, написала и издала сборники стихов. Прославилась. И только тогда поняла, что он меня просто не любил. Значит, не Близнец. Не родной. Не отражение. Не моя душа. Чужой. Пришел. Уравновесил общие несправедливости и обиды прошлых жизней. И ушел. И сердце свое даже не затронул. Палачом прислали... Какой из него Близнец? Карма. Спасибо, что был.

– Браво, Жанна. Обожжаю твой ум и логику. И, если честно, то я рад, что ты уже переболела твоей любовью. Новая жизнь – это прекрасно. Место новым друзьям, мечтам и свершениям. Брюнет подошел к художнице, галантно поцеловал руку, посмотрел на картину, взглянул за окно, увидел горы, снег, тучи вместо только что шелестящего моря, сделал вид, что не удивился.

– Хан, а ты встречал твоего близнеца – женщину? – спросила Птица. – У тебя же есть твоя потрясающая история?

Замерло время. Застыли горы, сдвинув каменные неподъемные веки. Тучи сгустились в непроницаемую завесу так, что можно было ломать руками жесткие и скрипящие, как белье на морозе, бело-голубые пласты. В комнате воцарилась тишина. Не мертвая, не звенящая, но морозная и тяжелая. Женщина с белыми волосами быстро вскинула глаза на Жанну, на Хана, отрицательно чуть заметно качнула головой. После этого поставила связанный только что колокольчик мимо вазы, и он замер в воздухе, тоже ставшим густым и плотным. Жанна одними губами прошелестела «она все еще не помнит», воздух качнулся, как на детских веревочных качелях, когда взлетают волосы и подол платья, и все успели сделать вздох, и тогда она громко сказала женщине с белыми волосами:

– Читай. Читай, что она пишет. Мы должны знать.

Прямо из зашторенного облаками окна в комнату влетел

листок и лег в руки старшей из собравшихся. Тучи прикинулись мягкими креслами, или кресла просто были похожи на кучевые облака. Комната стала уютнее, окрасилась в вечерние цвета философских раздумий, интеллектуальных писем и пространных разговоров о том, как раньше было хорошо, тепло и дружно, а потом все изменилось; и ее обитатели расселись поудобнее и начали слушать.

...Моя история началась давным-давно... И теперь, уже зная то, что я знаю сейчас, понимаю, что началась она еще задолго до того, как я пришла в эту жизнь...

Я понимаю, что поверить в то, что я вам расскажу, почти невозможно. И все же это правда. Правда, что я являюсь живым свидетелем того, что смерть не является концом. Свидетелем того, что возможно из жизни в жизнь любить одну и ту же душу, и того, что ничто и никогда не заканчивается.

Почему я хочу это рассказать?

Потому что я убеждена в том, что наша планета нуждается в историях Любви, подобной моей. Может, она останется на Земле после меня и когда-нибудь кому-нибудь согреет сердце. *Потому что Любовь Вечна.* И это не сказка и не миф.

Это Правда...

Меня зовут Лала.

Я – Близнецовое Пламя.

И это моя история...

Детство. Юность

Прежде чем я расскажу вам о своем детстве, я хочу чтобы вы поняли одну истину. Я не рассказываю это с целью осудить тех, о ком я собираюсь написать. Также не делаю я этого для того, чтобы заставить вас чувствовать жалость ко мне.

С высоты своих прожитых лет, а также бесценного опыта и знаний, приобретенных за последние пять лет, я могу сказать следующее: *мы сами, еще на уровне души, выбираем себе тот опыт, который хотим получить в очередном своем земном воплощении.* Да-да. Сами. К примеру, вы не можете простить свою мать или отца, людей которые причиняли вам боль, обиды и страдания. Но что, если я скажу вам, что вы **САМИ** выбрали этот путь и таким образом смогли стать сильнее? Что вы мне ответите?

Есть такое выражение, что Бог не посылает нам испытания не по силам. Истина же заключается в том, что вы сами выбираете свой земной Путь. Чем сильнее Душа, тем тяжелее путь она себе выбирает. Через боль, через испытания, *мы становимся сильнее и мудрее.* Я бы очень хотела, чтобы это было не так. Но это именно так. Испытав однажды голод, вы не останетесь равнодушным к голодному. Испытав отверженность, вы не станете отвергать без причины. Испытав боль, нормальный человек не захочет причинять ее другим, потому что знает на своем опыте, каково это. Мы учим-

ся ценить солнечное тепло после сырой пещеры, а тепло и доброту человеческого сердца после того, как сами испытали на себе равнодушие или презрение других.

Я также хочу рассказать о своем детстве и юности, для того чтобы вы знали и понимали, что даже не осознавая того, что я была Близнецовым Пламенем, я с рождения была сильной, и никакие невзгоды не смогли заставить меня сдаться или сломаться.

И еще кое-что. Знаете ли вы о том, что находясь в том Измерении, где находятся души, никто и никогда не хочет возвращаться на Землю в роли Мучителя? В роли того, кто станет для кого-то настоящим *ИСПЫТАНИЕМ*. Никому не хочется жить для того, чтобы кого-то обижать. Но именно самые сильные берут на себя эту роль. (Сразу позвольте оговориться. Я не имею ввиду реальных преступников, маньяков и убийц. Эти существа не являются людьми вовсе, и тем, что мы называем Душа, они не обладают. Их совершенно верно называют *НЕлюди*. Но я не буду сейчас на этом останавливаться. Я говорю о других.)

Я говорю о том, что именно Сильные берут на себя роль тех, кто в нашей земной жизни будет мучить нас. Знаете почему? Школа. Уроки выживания и роста. Зачастую именно они, наши самые лютые «враги» в земной жизни, оказываются для нас самыми могущественными и мощными учителями. Они учат нас падать и подниматься, гнуться, но не ломаться, сгорать и восставать из пепла. Быть обиженными, из-

мученными, истерзанными душой, и при этом не потерять способность любить и чувствовать боль других людей.

Это жесткая и жестокая школа, но я сама выбрала этих людей и события в ней, и я ее прошла. В моей жизни нашлась душа, которая взяла на себя роль палача в моей судьбе, мучителя, который стал моим самым мощным Учителем. Это был мой брат Алексей. Еще же одним испытанием, хотя и намного менее суровым, стала для меня моя мама.

Знаете, если есть во Вселенной душа, которая перед приходом на Землю может заявить Хранителям Судеб, что она способна пройти за одну жизнь 77 жизней, 77 самых суровых испытаний, 77 кругов ада и 77 уровней чистилища и не сдаться и не сломаться, то это точно будет моя мама.

И если бы можно было сказать, что бывают титановые и несломляемые Души, это снова была бы она, моя мама. Она напоминает мне Великие Пирамиды, которые стояли, стоят и будут стоять. Невозможно описать словами испытания, которые ее душа выбрала для себя. Но слово «сломаться» не существует в словаре моей мамы. Ее жизнь была борьбой. Нескончаемой, вечной борьбой за жизнь самых близких и родных людей, и она это делала молча, сцепив зубы и не жалуясь.

Пирамиды не жалуется. Они стояли и будут стоять тысячелетия. Но иногда бывает одиноко и зябко рядом с их величием и могуществом.

Моя мама

Моя мама Лидия родилась в августе 1936 года.

Ей было всего 5 лет, когда началась Великая Отечественная война. Ее отец ушел на фронт, и она осталась со своей мамой, моей бабушкой Таней, с маленькой сестрой и братом. Ее мама, моя бабушка, работала целый день в поле на тракторе. Заботиться о младшеньких должна была моя пятилетняя мама.

Об ужасах войны, о ежедневном подвиге фронта и тыла в течение долгих четырех лет я не буду рассказывать. Об этом уже сказано и написано много. Мой дедушка Александр вернулся с войны с тяжелым ранением, которое он получит под Сталинградом.

Жизнь не была легкой тогда ни для кого, но мама рассказывала что дедушка умел делать абсолютно все. И поэтому им было не так тяжело, как остальным. Но как бы там ни было и что бы там ни было, моя мама утверждала, что в их маленьком доме всегда была атмосфера любви. Ее родители очень любили друг друга. До сих пор мама вспоминает, как по вечерам родители пели вдвоём песни, и дети всегда знали и чувствовали эту любовь между ними и сами были уверены, что встретят такую же.

Тем страшнее оказалась та жизнь, которая ждала маму с ее первым мужем, отцом моих обоих братьев. У них вначале

было красивое чувство, которое, к сожалению, впоследствии выгорело и превратило их жизнь в мучения.

Мама после школы уехала из деревни, в которой она родилась и выросла, за несколько сотен километров, в город Одессу. Там она поступила в Политехнический Университет и познакомилась со своим будущим мужем, рыбаком. Они долго встречались, как тогда было принято, гуляли вдоль берега, взявшись за руки, до утра сидели у ее дома на деревянной лавочке, говоря обо всем на свете. Через год они поженились. Маме тогда было всего двадцать лет. Они переехали жить в дом маминого мужа и его матери. И вот тут-то и начался самый настоящий ад, который длился 10 лет. Оказалось, что мамин муж не смог справиться с наследственной проблемой – алкоголизмом, и спивался день за днем. Моей молодой маме досталась тяжелая физическая работа на износ, страх за двоих маленьких детей перед всегда пьяным мужем и безуспешные попытки что-то изменить.

Многие женщины тогда жили точно так же и терпели, плакали, страдали и передавали эту страшную привычку – терпеть – дальше, своим детям. Мама любила своих сыновей, мечтала о лучшей жизни для них, но боялась пойти против мужа и свекрови, которая ее не приняла и всегда ненавидела. Часто бывало так, что ей приходилось хватать маленьких детей и прятаться с ними в огромном кукурузном поле, пока ее муж носился в пьяном угаре с ножом в руке и угрозами в их адрес. Протрезвев, он просил прощения и клялся, что

так больше не будет. Он ее действительно очень сильно любил. По-своему. Но власть зеленого змия была сильнее, чем любовь к жене и детям. Все демоны мира вселялись в этого человека, стоило ему начать пить, и мучения семьи были бесконечны, и все это повторялось снова и снова.

Но вот настал такой день, когда мама, решив, что ей все равно, что скажут люди и как посмотрят на ее поступок: когда терпеть больше не было сил, она просто взяла обоих сыновей за руки и ушла из дома. Без денег и вещей, в ситцевом халатике. Законы этой страны всегда были несовершенны по отношению к женщине и детям. Алкоголика было невозможно убедить взяться за ум, заставить платить алименты и помогать бывшей жене и родным детям. Вернее, закон был, а выполнения закона не было. Потому мама просто ушла в никуда, скитаясь по углам у родственников и знакомых и работая по 16 часов в день. *Но она не сломалась! Нет!*

Через пару лет ей удалось «выбить», то есть получить бесплатно, от предприятия небольшую квартирку, которую все знают как «хрущевка». Это было двухкомнатное жилье (маленький зал и одна спальня) на пятом этаже стандартного пятиэтажного дома без лифта, с крохотной кухонькой. Странно, что название этой улицы была и есть Радостная! (парадокс жизни). Но это была их квартирка, и скитаться больше было не нужно. Мама сама поднимала детей, моих братьев, работая с утра до вечера и при этом учась в университете. И вот когда ей было 36 лет, она встретила моего отца,

с которым в ту пору вместе работала.

До сих пор для меня является величайшей загадкой, зачем мой любвеобильный и свободолобивый отец закрутил роман с моей мамой, слишком серьезной, замотанной на работе, одинокой женщиной с двумя детьми.

Но я, видимо, этого никогда не узнаю. Мама долго не обращала на его ухаживания никакого внимания. В ее намерения не входили мужчины и браки. Она училась, работала и растила двух подростков. Думала, что уже сходила замуж, намучилась, хватит. Не верила, что еще может быть счастливой. Но мой отец оказался весьма настойчив. Настолько настойчив, что деваться от него было попросту некуда, он использовал клятвы, уговоры и даже шантаж. Так моя мама и дала согласие выйти за него замуж, возможно, опять, опасаясь пересудов и косых взглядов соседей. Да и жить в официальном браке тогда – это было в духе того времени правильно, «прилично». Они поженились. Но вскоре выяснилось что увы, мой отец любил всех женщин, попадавших в его поле зрения! А мириться с этим моя мама не была намерена. Прошло всего несколько месяцев после их свадьбы, и ей стало ясно как белый день, что жить она с ним не сможет. И когда она приняла решение развестись, выяснилось, что она беременна мною. Любил ли мой отец маму, я не знаю. Может и любил, по-своему. Любила ли мама моего отца? Думаю, что нет. Но и на этот вопрос точного ответа я не знаю. Мама молчит до сих пор. Знаю лишь, что жить со лжецом и гулякой

она не собиралась, и в этом была абсолютно права.

Вопрос о том, рожать меня или нет, даже не стоял. Двое детей, работа по двенадцать часов в сутки, институт. Крохотная квартирка. Мужа нет. Рожать еще одного ребенка при таких обстоятельствах тогда было попросту чистым безумием. Да и маме уже 37 лет. Но вышло так, что когда она узнала о своей беременности, было уже поздно что-то менять. Много лет спустя она рассказывала мне, как со слезами на глазах просила врача прервать беременность. Объясняла ему свою безвыходную ситуацию. Но врач наотрез отказался, так как срок был слишком большой.

Меня никто не ждал и не хотел. Я не была ни желанным, ни любимым, ни долгожданным ребенком. Но я все-таки пришла в эту жизнь, родившись почти на 2 месяца раньше срока.

Мой отец подарил мне в этой жизни две вещи. Непосредственно само мое появление в этом мире и мое имя Алла. Он был мусульманином, и решил назвать меня в честь своего Бога. Более, увы, ничего. Его никогда не было в моей жизни, и я должна признаться, что до сих пор тихо завидую тем, у кого в жизни есть тот человек, которого они могут назвать этим удивительным словом «Папа».

Но ведь моя душа для чего-то выбрала именно его. Значит так было нужно. И теперь я знаю для чего. Для того, чтобы пройти испытания нелюбовью и ненужностью и опять же не сломаться, а стать сильнее.

Ох, сколько же этих испытаний я сама себе уготовила, или это те, кто меня послал, выбрали мне эту семью и эту судьбу? Не знаю. Но ведь никто не приходит сюда не по своей воле. Значит я сама согласилась. Сама. Наверное, когда мы находимся не в трехмерном пространстве, земная жизнь кажется нам молниеносной, а испытания не такими уж тяжелыми. Но стоит нам прийти в физический мир, как мы начинаем понимать, что не всегда готовы к тем тяготам, которые выбрали. Понимать-то понимаем, но уже поздно, и поезд назад не повернешь. Мы проходим то, что должны пройти. Должны.

Моя мама стала для меня как примером невероятной силы и выносливости, так и своеобразным испытанием. Я называю это «испытание одиночеством». Я всю мою жизнь провела рядом с моей невероятной, сильной и волевой мамой, но при этом я всегда чувствовала и знала, что по духу я ей не близка и не понятна. Даже более того. Я для нее была и есть «немного сумасшедшая». Я говорю какие-то странные вещи, на которые она всегда отвечает мне такими словами: «Лучше бы делом занялась».

О! Эта загадочная фраза «займись делом», которой можно просто отмахнуться от чего угодно, как от назойливой мухи. Эти два слова я не люблю до сих пор.

Мне, конечно же, как каждой маленькой девочке, хотелось всем на свете делиться с мамой (ведь папы у меня никогда не было). Но после моих нескольких неудачных попыток в детстве и юности поделиться с ней тайным, сокровен-

ным, личным, я замкнулась. Мама не понимала меня. Да и не пыталась понять. И этому есть очень простое объяснение. Ей было просто не до этого.

Она боролась за жизнь моих братьев, которых безмерно любила. И боролась каждодневно, в прямом смысле этого слова.

Ей было не до моих невнятных желаний и спрятанных обид. Но я ведь была маленькой девочкой, и несмотря на то, что мне пришлось быстро и сразу повзрослеть, мне все равно сильно и беззаветно хотелось ласки. До боли, до слез. Да, простой, обычной материнской ласки. Странно, что этого мне хочется даже сейчас. Мне хотелось, чтобы меня иногда гладили по голове и называли «доченька» или «моя девочка», говорили бы «моя умница», «моя красавица».

Обязательно говорите это своим детям! Не жалейте времени, не жалейте добрых слов и чувств, дарите похвалы и комплименты ежедневно, даже если кажется, что пока и не за что. Дарите авансом. За то, что ваш малыш выбрал именно вас. За то, что он рядом, за то, что он вас любит. Вполне вероятно, что вашего ребенка больше не будет любить никто, а обидеть его будут стараться многие. Всю его жизнь. Хвалите, любите, обнимайте, пусть ваш ребенок растет любимым. И тогда он обязательно будет счастлив: и сейчас, и потом.

В детстве я страстно завидовала детям, у которых были ласковые мамы. Но моей маме было не до этого. Жизнь-выживание. Жизнь-борьба. Жизнь-испытание! Это то, чем бы-

ла вся ее жизнь! Без радости и спокойствия.

Я все это понимаю, но мне все равно до сих пор хочется быть понятой, принятой и любимой моей дорогой мамой. Которая, наверное, принимает меня. И любит меня. По-своему.

Но я знаю, что до сих пор так и остаюсь для нее чем-то непонятным и очень странным.

«Моя мама меня не любит, не понимает и не принимает, и так будет всегда», – думала я. Все попытки объяснить мои чувства или поделиться с ней чем-то личным и сокровенным, почти всегда оказывались тщетными.

Внутри себя я всегда испытывала острое чувство одиночества и ощущение какой-то ущербности. С раннего детства я понимала, что со мной «что-то не то», «что-то не так», что я «какая-то не такая». Но что не то и не так, и как это исправить, у меня не было ни малейшего понятия.

Я была странным ребенком с самого начала. Когда я родилась, моим братьям на тот момент было 13 и 15 лет. Мама продолжала учиться и работать, и сидеть со мной пришлось моему брату Алексею. Своего второго брата Анатолия, в своем детстве я помню очень мало. Он редко бывал дома и очень рано женился, уйдя в дом своей жены Наташи.

Мои «странности» начались с того, что во мне напрочь отсутствовало умение плакать. Я попросту не знала и не понимала, как это делать. До трех лет я не плакала никогда. Говорить же начала очень рано. В год уже болтала вовсю.

Точнее, сначала я начала петь, а потом уже говорить. Любую песню я запоминала с одного-двух раз и пела, даже не зная слов, а придумывая их на ходу. Я пела всегда и везде и пою до сих пор.

Пение стало для меня отдушиной и средством ухода от боли с тех пор, как я помню себя. Этим же стали для меня книги, музыка и кино. И у меня было всего два желания. Нет, три. Найти его. Стать актрисой. И изменить этот мир. Чтобы он был прекрасным и чудесным и искрился, как родниковая вода в лучах полуденного солнца. И чтобы обязательно радуга в этом новом мире. И люди улыбаются.

Но... Мало ли о чем мы мечтаем? Чему-то суждено исполниться, а чему-то нет. Я помню с раннего детства видения, где я посылаю воздушные поцелуи огромной толпе. Где я на сцене, а сцены и декорации сменяют одна другую. И я была уверена, что именно это меня и ждет. Что это я! Увы, сейчас в сорок лет я понимаю, что это было. Я всего навсего видела *глазами моего Близнеца*. Я видела то, что будет с ним, а не то, что будет со мной. Но я увы, этого не знала, да и знать никак не могла.

А пока что я была всего лишь маленькой девочкой. Плакать я не плакала, и каким-то образом абсолютно не испытывала никакого дискомфорта, находясь в полном одиночестве. Не испытываю я этого и по сей день. Возможно потому, что мы никогда не бываем по-настоящему одни, и рядом с нами существуют миры, невидимые человеческим глазом.

Возможно, именно поэтому.

Когда мне было три года, произошло то, что позже повлияет на всю мою дальнейшую жизнь. Я помню, что мне было именно три, потому что утром мама сказала мне: «Тебе исполнилось *ТРИ* года! Уже не маленькая!»

В ту ночь, в первый раз в этой жизни, я увидела во сне его глаза. На тот момент ему было всего 12 лет. Но тот сон я помню очень смутно. Скорее, я помню *ОЩУЩЕНИЯ* от того сна. Такое странное тепло внутри. Однако я хорошо помню, что уже в три, четыре года, я всматривалась в лица мальчишек, играющих со мной на детской площадке... *Я искала КОГО-ТО*. Я четко знала, что я ищу кого-то! Но кого?

В день, когда мне исполнилось *ПЯТЬ* лет, я опять очень четко снова увидела его *ГЛАЗА* и запомнила их в мельчайших деталях, вплоть до каждой ресницы. Я знала, я попросту *ЗНАЛА*, что *УЗНАЮ* эти глаза среди миллионов. И тогда, будучи маленькой девочкой, я уже совершенно отчетливо понимала, что *должна ЕГО найти*. У меня не было никаких сомнений, что я его найду. А может быть *ОН найдет меня*. И вот когда это произойдет, все будет как в волшебной сказке... Глупая маленькая девочка.

Еще с раннего детства у меня появилась привычка, а точнее, даже непреодолимая страсть к звездному небу. Меня с невозможной и невероятной силой тянуло к нему. Когда было лето, я выходила на балкон или на улицу и часами могла смотреть на звезды. Меня иногда охватывала такая сильная,

необъяснимая и невероятная тоска по чему-то далекому, что есть на звездном небе, которую нельзя было объяснить никакими словами. Я чувствовала себя оторванной от чего-то близкого, дорогого и родного. Хотя, положив руку на сердце, это ощущение оторванности от чего-то близкого и родного преследует меня всю мою жизнь.

Мне казалось, что лишь по воле судьбы я оказалась где-то очень и очень далеко от своего *настоящего дома*. Там, где все чужое, странное и непонятное. Это если бы вы вдруг оказались в маленькой китайской деревушке, где вам не понятен ни язык, ни обычаи, ни повадки, ни поступки людей. Но вы там, и вам нужно как-то привыкать, как-то уживаться, как-то приспособливаться. И вот идет время. Моментами вам начинает казаться, что вы вроде бы уже привыкли... Но вот настает тихая летняя ночь и вы, глядя с Земли на звезды, лежа на траве, чувствуете, как вам невыносимо хочется плакать. Вам хочется плакать, потому что вы страстно хотите то, чего вы и сами себе не можете объяснить. Оно там, глубоко внутри, оно не дает вам покоя, и вы не знаете, что с этим делать.

С раннего детства у меня есть привычка говорить со звездами. Я была уверена и верю в это до сих пор, что именно так я могу говорить с теми, кто знает меня, слышит, и обязательно если не поможет, то поддержит, подскажет и придаст сил. А жизнь моя складывалась так, что силы мне были нужны, и немалые. Для меня все только начиналось. И в пять лет

вместе со знаниями о его глазах кончилось мое детство.

Когда мне исполнилось пять, я должна была идти в детский сад, но там не оказалось свободных мест. Алексею, моему брату на тот момент было всего 18 лет. Он был, как это позже называли, «ребенком индиго». Он обладал сильнейшими экстрасенсорными способностями. Телепатия, ясновидение, невероятнейшая интуиция. Он был **ВИДЯЩИМ**, то есть знал и видел то, что не знали и не видели другие «нормальные» люди. Он был почти таким же, какой была мною глубоко уважаемая и любимая Светлана Левашова. Но ему повезло намного меньше чем Светлане. У нее была поддержка ее семьи и «видящей» бабушки. Алексей же был наедине со своим даром. Хотя тогда, около 40 лет назад, это было скорее проклятием, чем даром. Такие люди должны были пройти сквозь тяжелые испытания. Они **ВИДЕЛИ**, они **ЗНАЛИ** вещи, о которых они даже не могли никому рассказать!

Он пытался, будучи ребенком, рассказать маме, но у него ничего не вышло... Наша строгая Мама таких вещей даже сейчас не воспринимает. Что было бы, попытайся он поделиться тем, что знал и видел, с другими людьми? Тогда, в то время, его бы положили в психиатрическую больницу. Медицинские светила поставили бы ему уйму диагнозов. Люди бы косо смотрели и криво улыбались, а за спиной крутили бы пальцем у виска. О! Я все это знаю, увы, слишком хорошо. Сама прошла через все это! Даже сейчас, когда видением и веданием уже никого не удивишь, бывает что на тебя смот-

рят презрительно и улыбаются снисходительной улыбочкой. А тогда...

Тогда это было просто *НЕЛЬЗЯ*. Нужно было *МОЛЧАТЬ*. Брату нужно было замыкаться в себе, а среди своих сверстников притворяться быть таким, как все. Притворяться, что тебя интересуют только девочки, гулянки и прочая чушь, а вовсе не то, из чего состоит наша Вселенная и для чего мы приходим в эту жизнь. Мой брат напоминал мне Галилео, которого едва не сожгли на костре отцы церкви за его еретические идеи. За то что он, Просветленный, пытался объяснить религиозным фанатикам, что Земля отнюдь не является центром Вселенной, и что именно она вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Он знал, что он был прав, но попробуй это доказать толпе непросвещенных. Один Просветленный против толпы Спящих. Как такое выдержать? Увы, религиозные фанатики в своей слепоте сейчас такие же, какими они были сотни лет тому назад.

Итак, мой бедный брат оказался наедине с теми знаниями, которые он должен был держать в себе. Он запоем читал книги, и некоторые из них выбирал для чтения вслух своей маленькой сестре. На редкую книгу он мог потратить месячную зарплату! А так как я имела несчастье родиться с тем же даром или проклятием, что и он, то прекрасно понимала все, о чем он говорил! И кто знает, как бы сложилось мое детство если бы... Но этого не произошло.

Кажется, так много событий, так много воспоминаний,

но мне все еще пять лет. Пять. И я все помню, как вчера. Брат просто не выдержал тяжести быть не таким, как все, он попытался уйти от проблем, знаний, от мира, в котором жил. Он начал употреблять наркотики. Он сломался. Наверное, я оправдываю его. Люблю. Потому оправдываю. Алла большая старается оправдать мальчика, который оказался слабым. Слабее младшей сестры. А маленькая Алла начала жить в таком аду, который мне страшно представить даже сейчас. В один день закончилось мое детство. Я помню этот день в мельчайших деталях.

Меня позвал мой брат, и я пришла к нему в комнату. Он спросил меня, зачем я взяла его сигареты, на что я ответила, что не брала. И тогда он одной рукой схватил меня за горло и поднял над землей. Я посмотрела ему в глаза. Это воспоминание до сих пор меня ввергает в такой ужас, который я не могу передать никакими словами. На меня смотрели глаза *НЕ ЧЕЛОВЕКА*. Я не знаю, как вам это объяснить, но не человека! Там не было *НИЧЕГО человеческого* и абсолютно ничего от глаз брата, которого я знала.

Мне стало страшно. Очень очень страшно. Он держал меня за горло и мне было трудно дышать. «Мама», – мне удалось тихо прошептать-прошипеть, и из моих глаз покатались слезы. Но мамы не было. Не было вообще никого. Никто не придет, не поможет и не спасет. Я это очень хорошо понимала.

Чудовище, которое стало моим братом, захохотало. «Тебе

никто не поможет», – сказал он мне. Даже голос был не его! Он опустил меня на землю и велел принести из кухни нож. Это был нож-пилка для нарезки хлеба.

«Ты спрятала мои сигареты, и за это я тебе отрежу руки», – сказал он. Зверь взял мою руку, положил на стол и начал резать... Было очень больно, я заплакала. Но увидев кровь, на место «чудовища» вернулся мой брат.

Он с ужасом смотрел на глубокий порез на моей крохотной руке и на нож в своей. Он отбросил нож от себя и принес бинт, которым перевязал мою рану. Но при этом сказал мне: «Маме расскажешь – убью!»

И отпустил меня в комнату где жили я и мама. Я помню, что там висела занавеска, и я спряталась за нее. Мне было до обморока страшно. Мне хотелось убежать куда-то далеко-далеко. Спрятаться, и чтобы никто меня не нашел. Но уже своим маленьким детским сердечком я понимала, что произошло что-то очень страшное с моим братом, и что жизнь прежней не будет уже никогда. И что все самое страшное еще впереди. Я сидела там и боялась, что он опять придет, и чудовище опять вернется вместе с ним, и опять что-то жуткое сделает со мной.

И вот в этот момент, я не знаю почему – не знаю и все! – я вызвала в своей памяти глаза этого мальчика из своего сна. И зажмурилась, пытаюсь вспомнить эти глаза в мельчайших подробностях. Красивые темные глаза, озера, в которых можно утонуть. Там, в них, в этих глазах, было что-то такое, что да-

вало силы. Давало силы жить дальше. *«Он меня обязательно найдет, или я его найду»,* – сказала я себе. – *Найди меня, мальчик. Пожалуйста! Спаси меня. Меня некому спасти. Меня никто не любит»...*

Слезы все катились по щекам, болела рана на руке и болело горло, так что было больно глотать, но я держалась за «эти глаза», как держится утопающий за соломинку. С той самой страшной ночи и всю мою дальнейшую жизнь меня держали эти глаза! Маме я сказала, что сама порезалась... Но детства у меня больше не было.

У нас в доме было три предмета, которыми меня бил мой брат. Провод от пылесоса. Черный, резиновый, бьет очень и очень больно. Полосы от него не заживают долго и болят. Толстый кожаный военный ремень. Бьет больно, но все же не так, как провод от пылесоса. И толстый длинный кусок резины для занятия спортом. Тоже очень больно.

Знаете, как пережить тот момент, когда вас бьют? Надо считать удары. Один. Два. Три. Кричать и звать на помощь бесполезно. Никто не придет. Кому-то об этом говорить и жаловаться нельзя. Будет хуже. Так меня убеждали. И я верила. Знала ли моя мама? Да, знала. Но ничего не могла изменить. Она пыталась. Я пишу это, и мое сердце обливается кровью. Ее дочь, маленькую девочку, избивали... Девочку, которую никто не хотел, не жалел, не любил. Но наверное, она делала все, что могла. Мама договорилась с нашей соседкой о том, что я буду часть дня оставаться у нее. Но это

не понравилось моему брату. И если я, чтобы спрятаться от него, шла к соседке, дверь которой была рядом с нашей, брат возвращал меня и сильно бил за то, что я пыталась спастись!

Поэтому лучше было не уходить.

Знаете, чего я боялась больше всего на свете? *УТРА*.

Утром наша мама собиралась на работу. Я тихонько сидела и смотрела, как она одевается и собирается. Я знала, что пока она дома, брат меня не тронет. Как только она уйдет, тогда и мой ежедневный ужас начнется.

Иногда мама брала меня с собой на работу. Это был для меня настоящий рай. Я могла тихонько сидеть в каком то уголке, тихой молчаливой былинкой, сидеть вечно, ведь там меня никто не будет бить. А это для меня было равносильно пребыванию в раю. Но такое бывало нечасто.

И вот я вижу, как утром мама опять собирается на работу. Я очень хочу попросить ее взять меня с собой, но замираю от страха. А если она скажет «нет»? Это отказ. Это начало боли. «Нет» для меня – это как удар резиновым шнуром. Подтверждение нелюбви и моей ненужности. Наконец я собираю все свое мужество и говорю: «Мама, возьми меня с собой».

Мама чаще всего говорит «нет», оглашая маленькой девочке очередной смертный приговор.

Прошло очень много лет, но я все еще продолжаю каждое утро просыпаться в состоянии ледяного ужаса. Прошло много времени, а тот страх из детства так и не отпустил меня.

Вскоре я пошла в школу. И это было для меня еще одной

возможностью на время убежать от брата. Но, увы, в школе я стала прекрасной мишенью для издевок. Я была классической жертвой, и маленькая сплоченная стая молодых и здоровых животных была готова рвать и терзать бессловесного больного зверька, который не мог ни дать отпор, ни постоять за себя. Когда на меня нападали сверстники, я имела привычку забиваться в угол и просто молчать. В школе я была настоящим изгоем. И длилось это много-много лет.

Зачем я выбрала эту жизнь и эти испытания? Почему душа моя решила, что я смогу это вытерпеть? Почему мне не дали при рождении сил сопротивляться, наказывая обидчиков? Я же всеми силами старалась не выделяться и быть как все. Точнее, я всеми силами пыталась быть попросту *НЕВИДИМОЙ*. Слиться со стенкой. Но увы, я не была «как все», а дети чувствуют эту «непохожесть» на уровне интуиции. На уровне подсознания. Увы, дети не любят «других». И к этим «другим» могут быть, к сожалению, очень жестоки. За 10 лет школы перетерпеть пришлось столько, что я говорить об этом не хочу, но и это сыграло свою роль в моей судьбе. В том чтобы научиться падать бесчисленное количество раз и суметь найти в себе силы снова и снова подниматься. Или для начала просто выжить.

Когда заканчивались уроки, все мои одноклассники, шумно радуясь, бежали домой. Как же я завидовала им! Всем и каждому! Сейчас они придут домой, переоденутся, сделают уроки. Пойдут на улицу гулять. Неужели можно так жить?

Жить, не боясь каждую минуту, каждую секунду? Я же шла домой, и каждый мой шаг был наполнен ужасом. Я шла домой. А там, дома, был мой брат. На деньги, что давала мне мама в школу, я старалась купить ему что-нибудь. Мороженое. Булочку. Хоть что-то. Я несла это домой в трясущихся руках, брату. А вдруг ему понравится, и он не будет меня бить? Не будет мучить, не будет истязать. Ведь ему было очень плохо и очень больно. И легче ему становилось только тогда, когда больно было мне.

Как я выжила, я не знаю. Я вдыхала ужас и страх, и я его же и выдыхала. Но меня спасло пение! Да-да. Именно пение пришло спасать меня от ужаса моей ежедневной жизни. В школе быстро выяснилось, что я могу петь. И не просто петь, а петь хорошо и очень сложные вещи. Меня взяли в школьный хор, где очень скоро я начала петь все сольные партии. Это добавило мне «доброжелателей» среди сверстников. Но мне было все равно. Главное, что можно было петь, а для меня это было равносильно тому, чтобы дышать. Всю свою боль и страх я превращала в голос, в пение. Никто не мог объяснить тот странный факт, что стоило мне начать петь, взрослые, серьезные люди начинали плакать.

– Все что сердцу дорого, в песню так и просится. И рассвет малиновый и под небом рощица, – пела я. И люди плакали.

А ведь все было очень просто. Пела моя душа, а не я. А моей душе было больно, одиноко и страшно. *Очень страшно.* Но еще там жила затаенная надежда и память о чьих-то

глазах. Я их обязательно найду, и все будет чудесно, как в сказке.

В хоре я пела несколько лет. Наш школьный хор начал выигрывать один конкурс за другим. Районный, городской, областной. Обо мне заговорили. На меня стали приходить смотреть какие-то серьезного вида дяденьки и тетеньки. Меня вместе с хором собирались отправлять на какой то конкурс в Москву. Но все закончилось внезапно.

Мама ни на секунду не переставала пытаться спасти моего брата от наркотиков. Она любила его, пыталась помочь и верила, что ей это удастся. Она нашла врача за много тысяч километров, в другом городе, на другом конце страны.

Мы быстро собрались и переехали в тот город, имея с собой только самый минимум необходимых вещей. На тот момент мне было 12 лет. Новый город и новая школа оказались хуже предыдущей. Но мое пение снова меня спасло. Только вот к моему великому сожалению, к моей бессловесности и забитости у меня добавилась еще одна проблема. У меня начал явно проявляться очень некрасивый большой нос с горбинкой. Результат то ли генов каких-то далеких предков по линии мамы или папы, то ли отработка Кармы, то ли последствия травмы, когда в один день, лет в восемь, я упала и сильно ударилась переносицей о край гитары. Не важно откуда он взялся, этот жуткий нос, но он был и выглядел почти точно таким же, как рисуют в карикатурах о ведьмах. Словно маленькой Алле не хватало слез, унижений и издевательств,

и ей дали еще уродство, чтобы ранить большее. Или убить.

Вот день один из многих. Обычный день.

Я вижу себя в школе, сидящей на полу, окруженной мальчишками сверстниками.

– Уродина! Пошла вон отсюда! Страшная уродина!!!

Они пинают меня ногами и плюют на меня. Я почему-то вместо ненависти к ним испытываю жгучую жалость!

Долго, очень долго ко мне обращались не иначе как «эй, уродина!» Все изменилось когда мне исполнилось девятнадцать лет. Пластическая хирургия в то время существовала только в одном городе в стране. В Москве. Мы с мамой поехали туда, и там мне сделали пластическую операцию. Я никогда не забуду имени этого хирурга. Игорь Вульф. Из гадкого утенка в одночасье я превратилась в красавицу. Но еще много лет после этого, каждый раз, когда мне говорили «ну какая же ты красивая!», в глубине души я не верила. Мне еще долго казалось, что надо мной просто хотят поиздеваться. И что я все так же уродлива, как и была раньше.

Однако наш переезд в другой город и найденный мамой врач для Алексея совершили чудо. Моему брату удалось, как это тогда говорили, «спрыгнуть» с наркотиков.

Самым тяжелым был первый год, и мне страшно вспоминать, каким он был для меня. Ведь в самые тяжелые моменты борьбы моего брата со своими демонами рядом всегда оказывалась я. Были приступы ярости и приступы боли, горя и отчаяния. Были и попытки свести с жизнью счеты. Все это

было. И всегда я была рядом. Всегда. Я стала для него каким-то подобием Ангела Хранителя.

Пожалуй, время, когда мой брат уходил от наркотиков, было даже пострашнее, чем мое детство, но я была рядом. Перевязывала ему раны, готовила еду, исполняла какие-то невысказанные просьбы, боясь даже дышать. Мне в голову летели тарелки и чашки и все, что могло попасться ему под руку в приступе гнева или боли. Мне не разрешалось выходить из дому, иметь подруг. О каждом своем шаге я должна была отчитываться, трясясь за каждое сказанное слово. Даже когда он меня не бил, он умел чисто психологически держать меня в таком ужасе, что иногда казалось, что лучше бы бил.

И опять же. В самые страшные моменты моего детства и юности, в самые *ЖУТКИЕ МОМЕНТЫ*, а их было много, на этой земле меня держали те *ГЛАЗА*.

Но... хотите честно? Были и такие мгновения, когда я стояла на крыше нашей девятиэтажки с одним желанием. Шагнуть вниз. Лишь бы только это все закончилось. Совсем закончилось. Кромешный ад дома. Побои и издевательства в школе. Иногда мне казалось, что сил нет. Их просто больше нет. И все, что я хочу, – это не жить. Но меня всегда держали *его глаза*... Начиная с пяти лет и все последующие годы во сне я видела их постоянно.

Нет, это не происходило каждый день. Но каждые несколько месяцев этот сон обязательно случался.

Так я и жила. Изо дня в день. Из года в год...

– Изю дня в день. Из года в год... – рыжеволосая Жанна опустила очередной листок книги и встревоженно посмотрела на Хана.

Он сидел спиной к ней за большим письменным столом перед монитором, который был бы совершенно не заметен в воздухе, так, слегка голубоватое свечение, если бы не быстро сменяющиеся на нем фотографии маленькой девочки с испуганным лицом, некрасивым большим носом и кудрявой черноволосой головкой, втянутой в худенькие плечики.

Не поворачиваясь, он глухо спросил:

– Скажи, это было необходимо? Вот это все, это было реально необходимо? Вы не могли помочь ей, дать другую семью, других родителей, или хотя бы избавить ее от мучений, причиняемых братом? Я все понимаю, конечно, душа, собственный выбор и все такое... Но это бесчеловечно, нет? Ты же помнишь, меня тогда здесь не было, но ты или Елена, или еще кто-то, кто наблюдал с вами... В крайнем случае эту миссию можно было перенести на следующую жизнь. Да? Вы же могли, например, забрать ребенка? Она стояла на крыше дома. Она хотела. Вы не...

– Это исключено. У нас совсем не осталось времени. – голос холодный и спокойный, как бы вымороженный.

Женщина с белыми волосами вошла в кабинет, «расто-

тив» стену с книжными полками, и подошла к Хану. Стена невозмутимо затянулась, почти не потревожив книги: они слегка вздрогнули, покачнулись, и удержали равновесие. Кажется, перекосился томик Грина. Но этого никто не заметил.

– Вы же знаете, что я с самого начала была против этого решения. Но Лала сама понимала, что надо торопиться. И взяла испытания семи последующих жизней, уместив их в одну. Она знала, что выдержит.

Жанна отложила прочитанные листы в сторону и тихо сказала:

– Мы сами не ожидали. Но были не вправе прервать эту жизнь. Однако мы помогли. Косвенно. Мы поддерживали ее, как только могли. Нашли врача для брата. Помогли с музыкой. Снизили болевой порог. Удержали на крыше от последнего шага. Хотя это было вмешательством. Но мы решились, что сделаем это незаметно.

– Заметили? – заинтересовался Хан. Напряженное выражение не сошло с его лица, но голос уже не был таким злым и сдавленным.

Первый раз на лице женицины с белыми волосами появилась тень улыбки, или это просто показалось?

– Темные – нет. Судьба девочке была выбрана идеально. Они ее в этот период вообще не видели. Не заслуживала внимания. Хранители – да, конечно. Но они тоже понимали, что мы можем не успеть, если потеряем ее в тепе-

решишь воплотишься. Боль, испытания, страхи и их преодоление, трудности и борьба с ними – все это позволяет душе сделать необыкновенный скачок на пути роста и совершенствования. Отработать карму и приступить к исполнению своего предназначения.

Поэтому я ограничилась легким наказанием – заточением на Потерянной Земле в Облачном доме.

– Неожиданно. – голос Хана потеплел. – Навсегда?

– Нет, до ее сорокалетия, до третьего преодоления и начала написания романа. – кажется, Снежная Королева на миг улыбнулась. Потом ее лицо опять стало жестким. – Не отвлекайтесь. Теперь ей как никогда понадобится наша помощь. Ее заметили Темные. Она уже слишком открылась.

– Почему?

– Потому что она еще не все помнит. Блокировка памяти. Обязательное условие воплощения и способ защиты, – это объяснение прозвучало из уст Жанны. – Ой, ребята! А кто видел мой мольберт?

Ее голос вдруг прозвучал совершенно по-другому. Беззаботно и радостно.

Объяснение не замедлило появиться: на пороге возникла Птица с корзинкой морошки. Она улыбается.

– Твой мольберт остался в комнате с горами, облаками и камнепадами. Я ничего не пропустила?

Хан подошел к ней, взял корзинку, посмотрел в окно, увидел невысокий лес, сопки, огромные гранитные валуны и бе-

лесое светящееся летнее небо. Бросил в рот пару ягод, зажмурился, обнял Птицу за плечи и сказал:

– Ничего особого. Все еще только начинается.

Маленькие радости

Но было еще кое-что, что помогало мне в моей борьбе за выживание.

Красивая сказочная страна. Индия.

Начиная с раннего детства я ее полюбила всей душой!

Когда мне было около семи лет, мама повела меня в первый раз на индийский фильм. Почти три часа, пока шел этот фильм, я просидела как в трансе, потому что... *Потому что все мне было там ЗНАКОМО.*

И вот именно с того самого момента, как я увидела этот фильм, у меня появилась боль в груди. Я конечно не знала и знать не могла, откуда она. Ответ на этот вопрос я узнала только пять лет назад. Я всю свою жизнь прожила с этой давящей болью в груди. Бесчисленные кардиограммы ничего не давали. Никакие врачи не могли сказать, почему она у меня есть. Но откуда им было знать. Выйдя из кинотеатра, я сказала маме... «Мама... Послушай... Это... Там в кино... Это... Дом... Понимаешь?

Мой дом... ДОМ, МАМА!» Но моя мама как тогда, так и сейчас, если я говорю что-то ей непонятное, обрывает меня фразой «делом лучше займись».

С тех пор, если только у меня была такая возможность, я не пропускала ни одного индийского фильма. Билеты в кино тогда были дешевые. При любой возможности я смотрела

их по множеству раз. Дома я заматывалась в занавески, ска-
терти, куски ткани и во все, что мне только попадалось под
руку, имитируя сари.

Я читала все, что могла найти об Индии, в школьной биб-
лиотеке, собирала и коллекционировала любую информа-
цию об этой стране! Я не могла сама себе это никак объяс-
нить! Я непонятным образом запоминала песни из фильмов,
абсолютно не зная языка. Когда я пела их, люди поражались
и восхищались, и это приносило мне несказанную радость.

Еще одна страна манила меня силой, которую объяснить
было невозможно... Египет. Часто во сне я видела Пирами-
ды, когда они были еще гладкими и блестели на солнце. Но
сейчас речь не об этом...

Я не могла понять почему меня *ДАВИТ* такая дикая тоска
по этой стране. По Индии. Почему я с легкостью запоминаю
песни из фильмов. Почему мне все там кажется знакомым.
Теперь-то я знаю, почему. Но тогда я не знала. Да и не могла
знать.

Так шли годы. Я нигде и никогда не переставала его ис-
кать. Того мальчика с удивительными знакомыми глазами.
Я настолько привыкла всматриваться в лица людей вокруг
меня, что будь-то улица, школа, университет, кинотеатр или
пляж, по-другому я уже просто не могла. Я искала и ждала
его! Я была уверена, что я его найду! Боги! Да разве могла я
даже предположить, кем он окажется...

В 15 лет мне, кроме его глаз, начали сниться другие сны.

ЕГО ПРИКОСНОВЕНИЯ. Он нежно, кончиками пальцев, обводил контур моего лица, моих губ, и эти ощущения во сне были настолько сильными, настолько реальными, что я просыпалась *ВСЕ ЕЩЕ ЧУВСТВУЯ* их... Это привело к тому, что до 21 года я не позволяла ни одному мужчине ко мне прикасаться. Мне абсолютно не нравились ничьи прикосновения. И это при моей-то врожденной чувственности! Я искала моего мужчину, и в душе я всегда знала, что все, что есть во мне, принадлежит ему! Святые хранители! Да разве я могла знать, где он и кто он! А если бы знала? *Если бы ЗНАЛА?* Я сейчас часто задаю себе этот вопрос. Если бы я знала, кто он и где? Была бы моя жизнь другой? Прожила бы я ее по-другому? Не знаю...

В 15 лет произошло в моей жизни еще одно событие, которое принесло немного света и радости в мой ежедневный черный мир.

Искусство снова пришло мне на помощь. А произошло это так.

Я стояла на остановке и ждала автобуса. Я заметила, что на меня пристально смотрит какая-то молодая и очень красивая девушка. Через несколько минут она подошла ко мне и заговорила. Она спросила меня, не хочу ли я стать участницей Цыганского ансамбля. Это очень знаменитый в крае ансамбль. Целая театральная группа. С музыкантами, костюмами, декорациями и тому подобное.

Она говорила, что там я буду петь и танцевать (как вы-

яснилось, петь я умею, а танцевать, мол, меня научат). Это очень красиво и очень интересно. Она рассказала мне, что они часто разъезжают по краю с гастролями и выступают в разных городах. Все, что она говорила, было для меня как сказка, как нереальный фильм, который я смотрю со стороны, но и были в ее речи слова, которые повергли меня в шок. От таких слов не знаешь, то ли плакать тебе, а то ли смеяться. А может, плакать и смеяться одновременно.

– Ты понимаешь, – сказала она, – у тебя очень интересное, необычное лицо! Этот твой огромный, крючковатый нос! Ты такая... (она на миг замолчала) такая... Ну. Некрасивая! Не обижайся пожалуйста, я думаю, ты об этом прекрасно знаешь. Ну так вот, ты такая некрасивая, что это делает тебя необычной и очень интересной. У нас там танцуют девочки очень красивые! А ты будешь там как «изюминка»! Понимаешь? Ну как, пойдешь?

Я прекрасно понимала, что она хотела сказать «страшная» или даже «уродливая», но в последний момент она смягчила это до «некрасивая».

Я ей сказала, что подумаю... Я такая страшная, что среди красивых девочек я буду хорошо смотреться! Заманчивое предложение, ничего не скажешь!... Но спустя три дня я все-таки поехала туда. Сцена манила меня со страшной непреодолимой силой! Я была согласна быть пугалом среди красавиц, лишь бы только меня допустили до нее! Я так же страстно хотела научиться танцевать в цыганских юбках в два кле-

ша! Страшная? Ну и ладно! Этого-то я не могу изменить! Но петь-то я умела! И этого у меня было не отнять! И я решилась и поехала на одну из репетиций по адресу, который мне дала девушка на остановке.

Цыганская музыка была мне хорошо знакома с детства. Ее очень любила и любит моя мама. Когда я была совсем малышкой, в стране гремел цыганский театр «Ромэн», и когда он приезжал на гастроли в наш город, мы с мамой обязательно ходили на все концерты. Был даже такой случай, когда мне было всего 6 лет. После концерта я увидела на улице руководителя этого театра, Николая Сличенко. Я подбежала прямо к нему и сказала:

– Дядя Коля Сличенко! Если я спою тебе, ты возьмешь меня в свой ансамбль?

И я запела! Запела все, что только знала цыганского, естественно, безбожно перевирая слова! На его красивом лице было искреннее удивление и восхищение. Я это понимала даже тогда! Когда я закончила петь, он взял меня на руки и сказал.

– Ты пока еще очень маленькая! Давай мы сделаем так! Ты вырастешь, закончишь школу, и приезжай ко мне в Москву! Тогда и поговорим...

И я пообещала что приеду! Мне было 6 лет...

И вот теперь мне 15, и я шла на репетицию цыганского ансамбля. Еще издали я услышала чарующие звуки скрипок и гитар. Поднявшись по винтовой лестнице на второй

этаж, я увидела молодого парня, который виртуозно играл на гитаре и также пел совершенно волшебным голосом какую-то цыганскую песню. Увидев меня, он почему-то улыбнулся. Искренне улыбнулся и продолжал петь. Как оказалось позже, он был старшим сыном женщины, которая основала этот ансамбль и руководила им. У нее было совершенно удивительное имя. Заррина Амановна. Парня же звали Забар, как героя из фильма «Табор уходит в небо».

Среди девочек участниц и танцовщиц, а так же как и среди взрослых женщин (многие из девочек были их дочерьми) моя внешность вызвала недоумение и откровенный смех... Ну как же! Ведь это же удивительно: такая уродина возомнила о себе, что и она может выйти на сцену!

Но к моему удивлению, у руководительницы было насчет меня другое мнение. Она увидела во мне нечто, что она тогда называла «манерность». Я думаю это то, что сейчас называют «харизма». Конечно, всерьез меня не воспринял никто. Но среди девочек-красавиц нашлась одна ангельская душа 14 лет от роду, имя которой было Альбина. Она и решила научить меня всем танцам. И вы не поверите! Научила!

Я была просто одержима идеей научиться хорошо танцевать. Я приходила на репетиции за два-три часа до начала, когда там еще не было совершенно никого. Я танцевала, танцевала и танцевала, отрабатывая, оттачивая каждое движение. Поначалу не получалось вообще ничего. Потом начало получаться, но плохо. Потом чуть получше, средненько, так

себе, потом лучше и лучше. То, что я часами репетировала сама, никто не знал. И вот в один день, несколько месяцев спустя, меня поставили танцевать вместо заболевшей девочки на репетиции. И хотя никто от меня ничего не ожидал, я вдруг очень гармонично влилась в общий танец и общую картинку. На лице Заррины Амановны было искреннее удивление и потрясающая искристая улыбка, на лицах же остальных не читалось ничего хорошего. Кончилось все это тем, что когда заболевшая девочка вернулась, меня решили оставить в танце. Хоть это мало кому понравилось, так решила руководительница, и возражения не принимались. В танце, если честно, я не имела ни отточенной техники, ни той гибкости, которая была у более красивых и талантливых, но люди в зале чаще реагировали именно на меня! Забар как-то сказал своей матери:

– Знаешь, мама, я не знаю, как это объяснить, но когда она танцует в группе девочек, смотреть почему-то хочется только на нее. Она завораживает, притягивает! Остальные и красивее ее, и танцуют лучше, но смотришь почему-то только на нее! Почему?

Мама улыбнулась и ответила ему:

– Потому что в ней есть то, чего нет у других. *Магия!*

Потом улыбнулась и добавила:

– Ты еще не поймешь!

Этот разговор передал мне сам Забар, когда я, не выдержав насмешек и словесных уколов других девочек и их мам,

тихонько плакала в каком-то углу в пустом помещении. Вечный угол. Мой спаситель. Мой друг и защитник. Моя маленькая планета, где можно было стать невидимой и хотя бы выплакаться и опять начать дышать, наглотавшись обид.

Концерты давались часто, и раз за разом люди реагировали на меня все теплее. Я начинала нравиться зрителю. Глядя на все это, руководитель ансамбля совершает немыслимое. *Она дает мне СОЛО!* И не просто Соло! А соло цыганки *КРАСАВИЦЫ!!!* Понимаете? Роль *легендарной красавицы* она дает *МНЕ!*

Я сначала наотрез отказываюсь! Это же невозможно! Но на одной из репетиций, когда вся группа присутствует, она просит девочку, которая танцует это соло сесть, и в середину круга просит встать меня... Меня! О, ужас! О, восторг! Вокруг меня только насмешливые лица? Или так кажется маленькой одинокой Алле? Через много лет я узнала, что Забар был, оказывается, в меня влюблен, но тогда я бы все равно в это не поверила. Я привыкла быть нелюбимой!

Во мне что-то поднимается и подступает к горлу. Страх? Слезы? Гордость? Я медленно встаю со своего места. Беру шаль, набрасываю ее на плечи и становлюсь в центр круга. Звучит музыка. Звучат вступительные слова: *«О ее красоте только на скрипке можно было сыграть! Да и то только тому, кто эту скрипку, как свою душу знает!»* Звучит скрипка, и я бросаю шаль в воздух!

Я не помню как я дотанцевала этот танец до конца! Не

помню, и все!

Но когда я подняла глаза на лица, только несколько минут назад смотревшие на меня с неприязнью и снисходительным смехом, я увидела недоумение и удивление. Вокруг меня стояла гробовая тишина. Наконец раздался голос руководителя...

– Этот танец будет танцевать *только она! Всегда!* И Возражений никаких быть не может!

Надо ли говорить, что меня не полюбили за такую оценку руководителя ансамбля, а когда выяснилось, что я еще могу петь на хинди песни из популярных индийских фильмов, то две из них включили в репертуар наших концертов. Я не могу передать никакими словами восторга людей, которые видели и слышали молоденькую некрасивую девушку, поющую на хинди. Люди любили индийские фильмы! Меня после выступления иногда окружала целая толпа. Люди не верили что это не запись, а я пою это сама своим голосом! И я пела им. Они просили петь еще и еще. И на их лицах не было ни насмешек, ни отвращения из-за моего лица с огромным крючковатым носом. На их лицах была радость, восхищение и счастливые улыбки. О, великая сила Искусства! Искусство делает тебя красивым, каким бы ты ни был внешне. Особенно если ты делаешь это от всего сердца, от всей души.

Несколько месяцев спустя, мой брат попал на один из концертов и увидел меня на сцене. Это невероятным образом облегчило мою жизнь! Он стал намного мягче, и отпустил

меня без возражений на репетиции и концерты. Ну и что, что когда девчонки собирались вместе, я где-то в уголочке сидела одна с книжкой. Мое одиночество и «изгойство», если и было мне в тягость, то совсем немного. Я с детства привыкла к этому. Но каждый раз, выходя на сцену, я думала об этих глазах. Иногда мне в голову приходила мысль: а вдруг он там? Вдруг он там сейчас, в зале, и смотрит на меня? И я танцевала... Танцевала для того, кто был от меня так далеко, что я даже представить себе этого не могла. Он был очень далеко... Очень. Но ведь я этого не знала и знать не могла!

О Моя странная судьба.

Перемены

Так прошел год и два.

И вот что-то страшное случилось в его жизни, когда мне было около семнадцати лет. В тот год во сне я видела его глаза, наполненные такой невыносимой болью и отчаянием, что при пробуждении мое сердце колотилось, как бешеное, и мне было трудно дышать. Ощущение в районе груди было такое, как если бы на меня положили многотонную бетонную плиту! Я не знала и не могла знать, где он был и кем. Не знала я и причину того, почему это происходило. Узнать это довелось мне через много-много лет.

В тот год в его жизни случилось несчастье. Он потерял свою мать, которую забрала скоротечная болезнь. Он же боготворил ее и не мыслил без нее своей жизни. Этого я не знала, но сердцем чувствовала, что случилось с ним что-то страшное. И тогда ежеминутно и ежечасно я мечтала только об одном. Я хотела, чтобы его боль, если не прошла, то хотя бы хоть немного утихла.

И я так бесконечно этого хотела, что мне казалось, что от меня к нему идет какой-то невидимый свет, и ему от этого становилось хоть немного легче. Я в это верила, и разубедить меня в этом не смог бы никто на свете! Но разубедить меня было некому. Никто, ни одна живая душа об этом не знала.

Сейчас я понимаю, что Близнецы, даже если находятся в

разных галактиках, *все равно чувствуют друг друга*. Для них нет ни времени, ни расстояния, ни пространства. Но тогда я ничего этого не знала. Я лишь чувствовала его боль и хотела, чтобы ему стало хоть немного легче. Позже, через много лет, его мать, уже не с поверхности этой Земли, а из мира духов и Хранителей, сыграет в этой истории решающую роль. Но об этом я расскажу немного позже.

Итак, я жила, продолжая его искать, ни на минуту не сомневаясь, что я его найду.

Вы спросите, были у этой странной забитой девочки какие-то другие мечты? Не поверите. Да. Также я хотела быть актрисой. О, как же я этого хотела!

Ничем и никем другим я никогда не хотела больше быть! Никакой другой судьбы я себе не мыслила. Причина была мне ясна с самого детства. Я видела всегда, какое влияние оказывает на людей искусство. Будь то танец, песня, спектакль или кино! Люди плакали, люди смеялись, а после хорошего фильма или красивой песни становились радостнее, светлее, добрее. Я всегда была уверена, что искусство существует, чтобы незримо касаться наших сердец и душ. Оно трогает. В прямом смысле. И оно то, что меняет нас. Заставляет нас задуматься. Заставляет *хотеть* становиться лучше. Добрее. Хотеть сделать кому-то что-либо хорошее. Обнять кого-то. Простить. Полюбить...

Я всем сердцем и всей душой хотела быть причастной к этому. Но ведь до того, как мне сделали пластическую опе-

рацию и изменили мой «ведьмовской носик», я все еще была уродлива. Скажи я кому-нибудь, кем я хочу быть, мне рассмеялись бы в лицо! Да что там рассмеялись бы... Они всегда смеялись.

Однажды, когда мне было тринадцать лет, я так и сделала. Я написала об этом в школьном сочинении «Кем я хочу быть, когда вырасту». Написала, что хочу быть актрисой. Я вызвала этим шквал смеха и издевок...

– Эй! Уродина! И кого же ты будешь играть? Кикимору болотную? Бабу Ягу? – и смех...

– Но ведь Кикимору Болотную тоже нужно кому-то играть, – отвечала им я, скрывая боль за маской безразличия. Конечно, после пластической операции, кикиморой меня уже было не назвать. На моем лице словно проявились из тени и заиграли красками и мои большие темные, как у моего Близнеца, глаза-озера, и красиво очерченные (как и у него же) губы. Но до этого было еще далеко.

Раньше я рассказывала вам, как еще шестилетней девочкой я пообещала известнейшему на весь СССР руководителю цыганского ансамбля «дяде Николаю Сличенко», что вырасту и приеду к нему в Москву, в его театр «Ромэн». Так вот я так и сделала.

Когда мне исполнилось 17 лет, мы с мамой взяли билеты на поезд и поехали в Москву. Я собиралась поступать в ГИТИС (Государственный Институт Театрального Искусства).

В то, что я поступлю, у меня почему-то не было никаких

сомнений, несмотря на то, что мой крючковатый нос был все еще при мне! Одновременно я собиралась начать работать (конечно же в массовке) в театре «Ромэн». То, что меня и туда возьмут, я тоже не сомневалась.

Откуда такая уверенность у ни в чем другом не уверенной, зашуганной и вечно сомневающейся девочки, живущей в постоянном страхе? Наверное, моя внутренняя сила, которая не давала мне погибнуть, сойти с ума и покончить с собой, держала меня и здесь, говоря, что ее хватит на все. В том числе, на поступление, известность и славу.

Но то, что мы планируем в жизни, увы, не всегда сбывается... Наверное потому, что некоторые события от нас не зависят никак... И они, эти события, часто идут вразрез с логикой, моралью, законами. Не только для одной девочки и ее семьи. Иногда даже для целых стран.

У Высших на меня были другие планы. В августе того года (1991) в Москве случился Государственный переворот. Это было начало конца огромной и могущественной страны, в которой я родилась и выросла.

Название этой страны было Союз Советских Социалистических Республик. Или СССР. Также это было началом конца моей мечты о том, чтобы стать актрисой. Остаться в Москве было небезопасно, да и негде, тем более средств на это попросту не было. Прощайте, равные возможности для мажоров и прачкиных детей (различия возможностей были, конечно, и при Союзе, как и везде, но пробить дорогу талан-

том и умом было совершенно реально при любом происхождении), прощай, бесплатное образование и помощь государства!

Николая Сличенко в августе не оказалось в Москве, и встретиться с ним больше, к величайшему сожалению, мне так и не удалось.

Мы вернулись домой. И в этом же году обстоятельства потребовали того, чтобы мы переехали опять в Одессу, где я родилась. Позади остался город, в котором мы прожили пять лет, и мой цыганский ансамбль. И мечты об актерской профессии пришлось оставить навсегда. Это было большой ошибкой. Начиная с того года и в течение всех последующих лет я чувствовала, как медленно гасну. Во мне была Страсть к этой профессии, во мне был Огонь, во мне был Талант, во мне была Мечта (одна из них), которая, увы, не осуществилась.

Шли «лихие 90е годы», и не только мне пришлось сказать: «Прощай, мечта». Рухнула налаженная тихая жизнь миллионов семей. Страна разваливалась. Надо было элементарно выживать. Тут уже не до мечты об актерстве. Мама тогда уже не работала по причине своего возраста. Денег на жизнь не было, и где их брать, было не совсем понятно. Люди становились «челноками». Покупали товар в одном городе, везли в огромных сумках в другой и там продавали за копейки, часто имея минимальную смешную прибыль. Специалистов по частной торговле среди бывших граждан социалистического

общества было мало. Кто имел талант, присосался к управлению и разграблению страны и быстро богател. Остальные выживали, как могли. Или, не сумев приспособиться, умирали от голода и страха перед будущим. Нищета, бесперспективность, разгул бандитизма, беззаконие, войны – это были постоянные составляющие «свободной» от СССР России.

Взялись за торговлю и мы с мамой. Однажды мы прожили в поездах и на вокзалах целый месяц. Это было какое-то безумие. Но... везде! Везде, где бы я ни была, я продолжала его искать. Это просто было частью меня. Неотъемлемой. «Однажды я подниму взгляд и встречу с его глазами». И отнять эту веру у меня никто не мог. Да и кому это было интересно? Всем было все равно...

Увы, наш с мамой «бизнес» накрылся, когда нас ограбили и едва не убили. Нам только хватило денег на то, чтобы вернуться назад домой. Надо было как-то думать, что делать и как выживать. Потихоньку на «толкучки», стихийные базарчики, ушло все более и менее ценное, что только было в нашем доме. И вот мы уже начали туда выносить ценные и редкие книги из нашей семейной библиотеки.

Каждый день начинался и заканчивался вопросом только о том, как заработать денег и как выжить. Иногда моя мама на нашей старой немецкой швейной машинке шила красивые передники с кармашками в виде сердечек, клубничек и цветочков. Эти переднички она обменивала на рынке у фермеров на продукты. Так и жили.

И тут пригодилось мое умение печь сладости. В Одессе был огромный рынок, который называли «Седьмой Километр» (он есть там и по сей день), купить там можно было все, что угодно. Так вот, ночью я пекла пирожки, пирожные и рулеты с яблоками. Тогда дрожжи быстрого действия или еще не придумали, или они не дошли до нас. Приготовление дрожжевого теста занимало много часов. Я пекла по ночам. Утром у меня уже все было готово. Я складывала мою выпечку в сумки и утром ехала на рынок. Там была жесткая конкуренция, много таких же обездоленных продавцов и мало покупателей, даже бывало, что и товар забирали, и деньги, и приходилось ехать домой с пустыми руками. Но этих денег нам хватало, чтоб как-то держаться.

А днем я подрабатывала массажисткой, закончив курсы массажа в 17 лет, бегала по домам, массировала спины, шеи, брала инсультников. У меня неплохо получалось, потому что помимо техники, наверное, обладала я целительским даром, и мои пациенты отлично себя чувствовали. Но время было нищее, убогое, голодное, любая работа стоила копейки.

Одна из моих клиенток была учительницей английского языка. Она начала меня учить без оплаты, в обмен на мои услуги, и очень скоро оказалось, что у меня к языкам тоже настоящий талант. Через два года я не только выучила язык, но и придумала свою собственную систему преподавания языка другим. Я стала давать частные уроки. Это очень сильно помогало нам держаться на плаву в плане денег. При

этом, я все еще пекла торты и пироги на заказ и подрабатывала тем, что пела на вечеринках, на банкетах и на свадьбах.

Как получилось, что самый младший член семьи взял на себя решение вопроса выживания взрослых, как юная девочка смогла столько вынести, не знаю и до сих пор. Возможно, я выбрала эту судьбу и эту семью, чтобы в трудные годы спасти моих близких, несмотря на их нелюбовь или черствость и равнодушие? Ведь без меня бы они точно не справились.

Мой брат Алексей тогда же стал писать картины. Наконец занялся тем, к чему у него был настоящий талант. Я уверена, что он был гениальным художником. Но когда люди выживают, им нет особо дела до высокого искусства. Того, что он иногда зарабатывал, едва хватало на холсты и краски. Поэтому само собой разумеющимся было то, что от мечты и призвания отказаться пришлось именно мне. И я кормила семью.

А между тем, мне было уже двадцать лет. Юношу с родными и знакомыми мне глазами, кого я искала все эти годы, так нигде и не было. Поверите ли вы в то, что будучи яркой и красивой девушкой (а как я уже сказала, после операции из ошипанного гадкого утенка я превратилась в лебедя, и на меня с восхищением смотрели парни) я не только была девственницей, но даже и не целовалась с парнем ни разу? Можете поднимать удивленно брови, а можете пожимать плечами, но это было именно так. Я не встречалась ни с кем. Я ни разу не была на свидании. Я словно отгородилась от всех

какой-то невидимой стеной. Я работала и выживала.

Это какой-то рок женщин моего рода. Когда молодость приходится на пустоту, одиночество, нищету и каторжную работу. Но, если честно, я никогда не могла себе даже представить, что буду с кем-то другим, не с тем, кого я жду и ищу.

Знаете, как прошло большинство поздних вечеров (особенно весенних и летних) в моей жизни? Я уже говорила вам об этом ранее. Я выходила или на улицу, или на балкон и часами могла смотреть на звезды. Особенно я любила лежать на траве и смотреть на них. Или на пляже на песке. Внутри себя я сердцем разговаривала *с ним*. Всегда. Я так же разговаривала с теми, кто там вне этой земли, но видит и слышит меня.

«Где же он? – звучал у меня в голове миллионный раз один и тот же вопрос, – Где же он? Где? Когда я найду его?»

Но его все не было и не было.

А в то самое время, когда я, в двадцать лет лежала на траве, задавая звездам вопрос о моем любимом, тот самый человек, о котором я спрашивала, уже был кинозвездой. Мало того. Он был уже женат...

Солнце и Луна

В 21 год жизнь моя перевернулась в очередной раз. Как песочные часы, наполненные не песчинками, а моими минутками, надеждами, слезами, маленькими радостями, мечтами и разочарованиями. Время от времени кто-то, большой и безжалостный, встряхивал эти часы и с ног на голову ставил все то, к чему я уже привыкла, приспособилась, что устоялось и, кажется, даже немного стало налаживаться.

В этот раз произошло все так. Хотя я и отложила надолго мою идею учиться в университете, но не оставила ее совсем. А когда мне исполнился 21 год, я все же решилась и пошла подавать документы на факультет иностранных языков. (Почему не в ГИТИС? Москва для меня стала теперь абсолютно недостижимым городом, безумно дорогим и невозможно закрытым. Тем более, те, кто жил со мной в эти страшные 90-е годы, помнят, что в то время актеры уходили работать в бары, рестораны, начинали водить такси, грузить ящики в магазине, спивались, бежали за границу, бежали хоть куда-нибудь вон из профессии, которая не могла помочь выжить в это проклятое время в разваливающейся на куски стране. Английский язык мог дать гарантированный кусок хлеба для преподавателя, потому что многие граждане моей страны всюду путешествовали в другие страны за товаром, а многие и просто бежали с целью никогда не вернуться, и са-

мые удачливые, как и самые беспринципные, научились добывать деньги из воздуха, качая госсектор или грабя своих конкурентов. Так вот, последние как раз просто путешествовали. Всем нужен был английский. Немедленно. Факультеты росли, как грибы после дождя, но желающих было в сотни и тысячи раз больше. Я нашла в себе талант к преподаванию (о, Хранители, сколько еще талантов было спрятано в этой маленькой упрямой голове и худеньком тельце?), но денег на взятку при поступлении у меня и моей семьи не было.

К счастью, выяснилось, что в Университете открывается новый факультет, которого раньше никогда не было. Факультет Философии плюс углубленное изучение английского, при желании можно было получить целых две специальности! Это было настоящим чудом!

Обучение обещало быть по-настоящему сложным, потому что, если говорить в двух словах, философия включает в себя почти все, что только есть на этом свете. История, социология, теология, культурология, религиоведение, психология, и многое-многое другое.

И так как я с детства, благодаря природной любознательности и наличию у нас в доме редких книг, была хорошо знакома с философией, теологией и прочими «заумными» темами, мне удалось с легкостью сдать вступительные экзамены и стать студенткой! Надо же! Я студентка Университета! Я просто не могла в это поверить! К счастью, тогда еще некоторое время высшее образование оставалось бесплатным!

Я была так счастлива еще и потому, что я думала, как смогу встретить *его* среди студентов! Наивная!

Было и еще кое-что. В самый первый день занятий, ко мне подошел один высокий парень и сказал такие слова: «*Привет...Ведьма!*»

Я была удивлена и раздосадована, поскольку истинного слова «ведьма» я тогда не знала и воспринимала это как нечто плохое и даже ужасное.

– Почему это я Ведьма? – резко спросила я.

Парень улыбнулся.

– Потому что ты Ведьма! Ведьма – это значит, «*та, что ведает*» или «*ведающая*», знающая. Если смотреть полностью на все слово, то получится «*ведающая мать*» Еще таких называют «*видящие*», или «*ведуньи*»

Я, видимо, выглядела очень забавно, замерев и уставившись на него, потому что он искренне и тепло мне улыбнулся.

– Я знаю. Ты наверное всегда думала, что с тобой что-то не то и не так. Чувствовала себя очень одиноко, и словно оторванной от дома, не так ли?

Я просто продолжала молчать.

– Так вот. Успокойся! – продолжал он. – Ты не одна такая. Я тоже такой. Костя. Приятно познакомиться! А ты, наверняка, родилась в августе? А зовут тебя как? Анна?

– Алла, – тихо ответила я. – И ты прав. Я родилась в августе.

Меня не удивляли его способности. Нет. Меня таким было не удивить. Скорее, меня удивила и несказанно обрадовала встреча с человеком таким же, как я. И что этот молодой парень вовсе не считает меня какой-то странной, потому что он точно такой же! Тогда он указал мне еще на одного парня, черноволосого и похожего чем-то на древнекитайского императора.

– Вот! Он тоже «из наших», – сказал мне Костя.

«Китайский император» подошел к нам. Посмотрел мне в глаза. Его взгляд пронизывал до самых костей. Потом он посмотрел на Костю и сказал ему, кивнув головой в мою сторону:

– *Солнце и Луна.*

Костя в ответ закивал головой, при этом счастливо улыбаясь.

Это был второй раз в моей жизни когда я услышала эти слова «*Солнце и Луна*». Первый раз я услышала это, когда мне было лет шесть.

Мы с мамой были на базаре. А в нашем городе всегда было много цыган. Так вот, пока мама что-то покупала, я вдруг почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Я это всегда чувствую. На меня пристально смотрели две женщины-цыганки. Они были в красивых платках и многослойных юбках. Одна из них была постарше, может быть, около пятидесяти лет, но мне сейчас трудно вспомнить, а вторая была намного моложе. Может быть немного больше двадцати.

– Посмотри на нее, Радмила! – сказала старшая молоденькой. – Посмотри внимательно и запомни ее лицо!

– Это дитя – *Солнце и Луна!* Она много взяла на себя. Тяжело ей будет! Не сломалась бы! По-настоящему ее судьба исполнится только во второй половине ее жизни! Ох и тяжело ей придется!

– А она знает, кто она? – спросила молодая после минутного молчания.

– Нет! Она еще слишком мала! Но она уже сейчас многое чувствует и многое помнит! *Но КТО она*, не знает и не узнает еще очень-очень долго. Ей не откроют этого до поры до времени!

Потом они обе просто смотрели на меня. Смотрели странно. Как будто я была чем-то сказочным и редким, типа голубого единорога или феи с крылышками. Потом старшая подошла ко мне и, глядя мне в глаза, положила руку мне на голову. Сказала она мне всего лишь одно слово: «*Гори!*». Что она хотела этим сказать, тогда я знать конечно-же никак не могла. Но я хорошо понимаю это сейчас. Она просто увидела самую мою *пламенную суть*. Не зря ведь этот народ испокон веков славится своей способностью *видеть*. От прикосновения ее ладони к моей голове я почему-то закрыла глаза. По моему телу струилось тепло. Когда я открыла глаза, их уже не было. Эта сцена навечно осталась в моей памяти, как и ее слова *Солнце и Луна*. И вот сейчас, во второй раз за всю мою жизнь, я снова услышала эти слова.

– Костя, – подступилась я к своему новому знакомому. – Что это значит? «Солнце и Луна»?

Но оба парня, переглянувшись, просто улыбнулись, и «китайский император» сообразоволил сказать мне лишь следующее:

– Когда время придет, узнаешь!

На все мои попытки в течение следующих пары лет вытянуть из них информацию о том, что же это значит, увы, не увенчались успехом. Что это обозначает, я узнала много и много лет спустя. Уже после того, как нашла его. Мое Близнецовое Пламя.

Черная свадьба

Итак, я стала студенткой и начала учиться. Но учеба занимала почти все мое время. И на то чтобы зарабатывать, увы времени не оставалось. Ведь ни компьютеров, ни мобильных телефонов, ни планшетов тогда еще не было. После занятий надо было идти в библиотеку и сидеть там часами с кипами книг. При этом денег на еду тоже не было. Бывало, одно яблоко в день съешь, и все.

Так прошел год. Первый курс университета остался позади и начался второй.

И вот, в это самое время в мою жизнь снова вмешался Рок. У моей сокурсницы был знакомый мужчина, которому срочно нужно было найти место, где бы он мог оставлять своего пятилетнего сынишку, пока сам был на работе. Ситуация была таковой:

Наташа училась со мной в одной группе. Ее сосед, Артур, был бизнесменом. Он был женат на молодой женщине, и у них рос пятилетний сынишка. Артур работал. Жена занималась домом и сыном. Вся беда была в том, что, она вдруг, как говорили соседи, закрутила роман с каким-то молодым парнем, взяла с собой ценные вещи, документы, оставила сынишку своей маме, написав супругу всего несколько слов, навроде «я встретила любовь всей моей жизни, прости-прощай». И исчезла. Как оказалось позже, она просто уехала к

этому парню, всего за пару километров от Одессы.

Мама его супруги (то есть бабушка малыша) сидеть с ним могла только по выходным, так как она все еще работала. Сам же Артур работал почти без выходных. И вот ему срочно пришлось искать няню для сына, он стал спрашивать всех, кого только возможно. Чтобы человек был добрый, проверенный, надежный и любил детей. Таким образом, малыш Тимка (Тимур) оказался у меня дома. В тот день была суббота, и я не училась. Весь день ребенок провел у меня дома, со мной и с моей мамой. Он оказался очень смышленным, умным, интересным и забавным. Но и вместе с тем обычным избалованным маленьким мальчиком: капризничал, то плакал, то смеялся, был неуравновешенным. К моему удивлению я узнала, что свою маму он называл не «мама», а по имени. Так же, по имени, он называл и свою бабушку.

Его здоровье тоже было не ахти. Малыш кашлял, у него был заложен нос. Моя мама, которая превосходно разбирается в целебных травах (занималась этим многие и многие годы), знала как его на ноги поставить, и сразу же этим занялась. Через полдня он спросил ее: «А ты будешь моя Бабушка»? На что сразу получил положительный ответ.

И вот наступил вечер, и его отец пришел для того, чтобы забрать его домой. Но не тут-то было. Тимошка вцепился в меня мертвой хваткой и сказал слова, которые я даже сейчас без слез вспомнить не могу (хотя было это почти двадцать лет назад).

– Я маму нашел!!! Я наконец-то ее нашел!!! И Бабушку! А ты хочешь меня забрать! Я никуда не пойду! Я тут останусь!

И разрыдался, обняв меня обоими ручонками и прижавшись ко мне так, словно боялся, что я убегу или исчезну. Я стояла, застыв, не в состоянии произнести ни слова, глядя в глаза его отцу. Наконец я с трудом нашла в себе способность говорить и тихо сказала:

– Артур. Оставь его у меня до завтра. Пусть он успокоится. А завтра заберешь.

И малыш остался. Я уложила его спать, но он никак не хотел закрывать глаза. Он боялся, что я уйду. И уснул ближе к часу ночи, держа меня за руку. У меня просто разрывалось сердце. Что же за мать была у этого крохи? Как же можно так?

И он остался у меня дома и на завтра и на послезавтра. И на неделю. И на две. И на месяц. Уйти с отцом куда-либо из нашей маленькой квартирki он соглашался только при том условии, что я шла вместе с ними. А лучше и я, и бабушка, моя мама.

Когда я шла на занятия в университет, Тимошка оставался с моей мамой. К их обоюдной радости. Вместе они ходили на базар, готовили обед, пекли пирожки, гуляли. Мама записала его в шахматную школу, и малыш оказался просто гением! Настоящим гением! Он схватывал все на лету, с удовольствием учился. Мама же научила его читать и считать буквально за пару недель.

Так прошел месяц. Пролетело два. Тимка стал частью нашей семьи, и его отец Артур влюбился в меня. Я это видела и понимала по тому, как он смотрел на меня, как брал за руку, как, смущаясь, пытался найти общую тему для разговора, как благодарил за мальчика, спрашивал о моих планах на будущее и о личной жизни.

Он почти каждый день приносил мне букет моих любимых роз! Я хорошо к нему относилась, ведь он был папой Тимки, был добр к нам, он не сделал мне ничего плохого. Этот мужчина был старше меня на 25 лет, но был спортсменом, имел отличную фигуру и поэтому в свои годы выглядел прекрасно, и внешне был даже красив.

Но я его не любила и о нем не помышляла вообще никак. Я хотела найти моего. Того самого, которого я искала, чьи глаза я знала с детства! Ничего другого я не представляла себе. Никого другого я не хотела! Но жизнь повернула все иначе.

Ребенок практически жил у меня дома, на радость соседям, которым было теперь о чем поговорить за моей спиной. Вся эта ситуация была странной и требовала какого-то разрешения. Это понимали все. Понимала это и я. Но отказаться от малыша, отвергнуть его – об этом не могло быть и речи.

И вот однажды Артур появился у нас дома в красивом костюме. В таком же костюме был и его сын. Артур держал в руках букет из сотни роз, а Тимошка протянул мне маленькую коробочку. Надо было видеть сияющее лицо малыша.

– Я САМ выбирал! – сказал он, протягивая мне коробочку. Там оказалось кольцо с огромным изумрудом, окруженным бриллиантами. – Ты выйдешь за нас замуж? Я обещаю быть тебе хорошим, самым-самым хорошим сыночком и всегда тебя слушаться! Скажи «Да»!!!

Его мордашка сияла, и никакого ответа кроме «да» он от меня и не ждал. Его отец стоял молча и смотрел мне в глаза.

Что мне было делать? ЧТО? Сказать «Нет»? И тогда этот малыш останется снова покинутым и отвергнутым? Я не могла этого сделать. Не могла. Не могла! Не могла!!! Я опустилась на колени и крепко-крепко прижала его к себе. Он чмокнул громко меня в обе щеки и побежал к папе!

– Папа! Она поженится на нас!

Следующих два летних месяца пролетели словно в тумане. Артур заказал для свадьбы самый красивый и дорогой зал в городе, с самыми лучшими музыкантами, фотографами, видеооператорами.

Моё свадебное платье шила знаменитая костюмерша Одесского оперного театра! Платье было воистину королевским. Оно было репликой платья Анжелики из фильма «Анжелика и Король» и было создано из французских кружев и тончайшей золотой парчи. Это было настоящее произведение искусства. Под это платье был создан головной убор и многоярусная фата.

Что же касается меня, то я словно в тумане смотрела на подготовку к своей собственной свадьбе. Можно было ска-

зять, что я таяла, как свеча, и дело было не только в том, что выходя замуж за этого человека, которого я не любила, я шла против себя. Я шла против того, чего страстно хотела и желала моя душа. И это тоже не самое плохое. Как оказалось позже, мое состояние тогда еще можно было объяснить черной магией, направленной против глупой наивной невесты, собирающейся занять чужое место «не по праву».

Бывшая жена Артура, узнав о его предстоящей скорой женитьбе на мне и намаявшись с тем парнем, к которому она ушла, решила к нему вернуться. Я, естественным образом, в ее планы не входила вовсе. Она решила убрать меня со своего пути. Для этого она обратились к тем, кто понимал, как и коим образом использовать магию, для чтобы избавиться от человека. Именно это она и сделала. А те, кому она щедро заплатила, превосходно и качественно выполнили свою работу. А чего им было меня жалеть? Кто я им такая? Я конечно же ничего об этом не знала. Я просто тихо умирала. Без эмоций. Без желаний. Жила в полусонном пограничном мире и не видела ни радости, ни счастья, не имела надежд на будущее. Не радовали Артур со своей любовью и мой золотой любимый мальчик Тимошка.

Платить мне пришлось за этот брак очень дорого. Очень. Мы поженились в августе. И сама свадьба сейчас для меня как в тумане, словно и не со мной это все было. Я только помню тот момент, когда я в этом королевском наряде из золотой парчи смотрю на себя в огромное зеркало в полный

рост. Я слышу голоса гостей в прихожей: «Вы видели невесту? Видели? Она такая красивая! Такая красивая! Просто сказка! Просто Королева!»

И в этот момент я смотрю на себя в зеркало. Мне хочется кричать, бежать, звать на помощь, и в какой то момент я поднимаю руку к золотому венку на голове...

– Мама! Мамаааа! – в комнату врывается Тимошка. – Мама!!! Какая ты красивая!!!! Мамочка!!!

Он бросается ко мне и крепко обнимает...

– Пойдем, сынок, – говорю я ему, взяв его за руку. – Нас ждут...

Быстро, словно в неудачном фильме, отгремела свадьба, и настал черед невесте (то есть мне) идти на брачное ложе...

Я смотрю на кровать. И меня начинает трясти. Трясет так, что зуб на зуб не попадает, и я чувствую то жар, то холод. Эта кровать вселяет в меня такой животный ужас, который не объяснить никакими словами. Забегая вперед, скажу. Под матрац этой самой кровати была насыпана земля с кладбища – земля, взятая с могилы женщины с таким же именем, как у меня. Взята ночью. С определенными словами и обрядом. Об этом я узнаю только год спустя. Пока же я новобрачная, которая должна лечь с мужем на эту самую проклятую кровать. А я не могу... Не могу и все! Но ведь я должна! Должна. Не так ли? Обязана! Я ведь законная жена, и мой муж имеет на мое тело свое законное право!

Он подходит ко мне сзади и кладет руки мне на плечи. От

этого его жеста хочется кричать и, вырвавшись, бежать, бежать куда угодно. Лишь бы очень далеко. И там спрятаться, чтобы тебя никто не нашел и не увидел. Никогда!

Почему-то вспомнилось детство. «*Никто ни придет и никто не спасет тебя*», – сказал мне голос внутри. И тут мне в голову приходит жуткая мысль.

«Надо выпить алкоголь. Выпить, и тогда, может, не будет так страшно!»

– Можешь принести мне вина? – говорю я своему новоиспеченному супругу. От него пахнет коньяком. Этот запах, его прикосновения, голос – все вызывает во мне отторжение вперемешку с отвращением и животным ужасом. Но деваться мне некуда. Я сама допустила эту свадьбу, я дала человеку слово, я обещала ему любовь и семью. Ему и Тимошке. Но я не ожидала, что буду чувствовать себя именно так. Мне было противно. Тяжело. Я чувствую себя жертвенной овцой на заклании. Он приносит мне вина. Я выпиваю залпом бокал и прошу еще. Выпиваю еще. Все начинает кружиться. А ведь я вообще не пью! Никогда! Но все начинает кружиться и становится уже «не так страшно».

Мой муж начинает стаскивать с меня платье из золотой парчи. И вдруг я четко, ясно вижу *ЕГО ГЛАЗА*, те самые глаза, которые ищу всю свою жизнь!... Руки моего новоиспеченного мужа довольно грубо скользят по моей коже. Я же, одеревенев, вижу перед собой только *ЕГО глаза*. Его невероятно красивые, темные, завораживающие глаза-озера. По

моим щекам начинают катиться слезы, я стараюсь сдерживаться и не разрыдаться. В моем мозгу звучит только два слова: «Прости меня».

– Прости меня, – обращаюсь я к тому, кого я не знаю, но кто словно живет в каждой частичке моей души и в моей памяти. – Прости меня. Пожалуйста. Пожалуйста, прости меня. Прости меня. Прости меня. Прости...

– Что ты там бормочешь? – Спросил меня муж и резко повернул к себе. Увидев мое лицо, он на секунду остановился. Он был не дурак, чтобы не понимать, что я его не люблю и не хочу.

Но я была его женой, у нас только что была красивая свадьба, мы обменялись кольцами и, наверное, обещали друг другу быть рядом в богатстве и бедности, в болезни и здравии... Наверное. Потому что я не помнила ничего. Но знаю, что все так говорят...

Несколько мгновений он просто смотрел на меня.

– Я понимаю! Ты этого не хочешь! Ты была бы счастлива оказаться где угодно, хоть на краю земли, но только не здесь со мной! Я это понимаю! – От него разлило спиртным, он сжал мое лицо в ладонях. До боли сжал. Но я привыкла к боли! – Ты... Такая красивая! Юная! Невинная! И ты моя! Я ЗАПЛАТИЛ за тебя! И имею на тебя право! Я тебя хочу и я тебя возьму! Хочешь ты того или нет! Поняла?

Он резко отпустил меня и пошел на кухню. Вернулся он еще с одним бокалом вина.

– ПЕЙ! – грубо сказал он мне.

И я выпила вино чуть ли не залпом. Мое тело не выдержало такую дозу алкоголя, и я просто потеряла сознание. Все погрузилось в блаженную темень.

Очнулась я от такой боли, какую и словами не опишешь. Боль на миг привела меня в себя, и от болевого шока я тут же опять провалилась в темноту.

Когда я снова очнулась, я была одна. Мне невыносимо хотелось пить. Комнату освещала одинокая лампа-ночник. Я попыталась встать. У меня это вышло не сразу. Но когда все же вышло, по моим ногам кровь текла, как из раненого зверя. Я снова рухнула на кровать. Простыня подо мной была мокрая. Кровь...

Я снова закрыла глаза и снова провалилась во тьму. Вдруг я увидела себя поднимающейся по какой то голубоватой трубе вверх. Потом эта «труба» стала коридором. Я вдруг увидела саму себя. Да! Себя же! Мне было всего около года, и у меня была плюшевая собачка с глазками пуговками! Я таскала ее за ухо! А мама смеялась. Наверное это был редкий момент, когда смеялась моя мама.

Потом я видела себя года в три. В пять. Свою юность. Свои мечты, страхи, отчаяние, надежды, свои...

– Ты что здесь делаешь? – спросил меня знакомый голос.

Я подняла глаза.

– Бабушка? – Недоверчиво смотрела я на родное лицо своей бабушки, которая ушла, когда мне было всего 14.

Только сейчас она была почему-то молодой.

– Что ты здесь делаешь? – Повторила она свой вопрос.

– Ты вот что, Аленушка (так меня называют всю жизнь в моей семье – Алена) Ты вот что! Возвращайся-ка ты назад, детка!

И тут до меня видимо дошло, где я. И меня привела в ужас сама мысль о том, чтобы вернуться туда, обратно. Я отрицательно затрясла головой.

– Нет!!! Нет, бабушка! Я не хочу туда! Бабушка! Ты не понимаешь! Пожалуйста, не говори так! Там больно, бабушка! Очень больно! Там плохо! Там... Там так плохо, бабушка! *И ОН...ОН так далеко! ОНИ* меня разлучили с *НИМ*, бабушка!!! Я не хочу туда! Я не хочу *БЕЗ НЕГО*, я не пойду, бабушка! Я не Пойду!

Бабушка подошла ко мне совсем близко и положила мне ладонь на щеку. Она ласково-ласково посмотрела мне в глаза.

– *Но ОН ТАМ*, Аленушка! Здесь его нет. *И ты нужна ему.* Без тебя ему никак не справиться. *Ты найдешь его, Аленушка!* Обязательно найдешь! Воротись, деточка! Воротись назад!

И я закрыла глаза. И в тот же миг ощутила свое истерзанное, исстрадавшееся тело.

К своему удивлению я увидела, что не лежу более на той проклятой кровати. Через несколько минут я поняла, что нахожусь в больнице. В пустой больничной палате. За окном

светало.

Как я потом узнала, случилось следующее: выполнив свой «супружеский долг», мой муж решил поехать к каким-то своим друзьям, чтобы продолжить праздновать свою женитьбу. То, что это была глубокая ночь, его никак, видимо, на тот момент не смущало. Он оставил меня истекать кровью и просто уехал. Но спасло меня, скорее всего, если не Провидение, то хлопоты моей бабушки. В какой-то момент, пару часов спустя, он все же бросил друзей и приехал домой. Попытавшись безуспешно привести меня в чувство, увидев везде кровь, он просто испугался. Вызывать «скорую» не стал. Он боялся, что врачи заявят в милицию. Поэтому, завернув меня в одеяло, он вызвал такси и отвез в больницу. С множественными разрывами и сильной потерей крови.

Мне наложили шесть швов, снимали которые через две недели под общим наркозом. Как говорится, спасибо, что жива.

Очнувшись в палате одна, я долго смотрела на потолок над моей головой. Хотелось пить. Но звать кого-то не было сил. Хотелось умереть. Но я была жива. И еще хотелось рыдать, и слава Богам, на это силы у меня нашлись. И я рыдала. Рыдала, как обезумевшая, обращаясь в пустоту. Обращаясь к нему...

– *Да где же ты? ГДЕ? ПОЧЕМУ* Я не нашла тебя? Почему не нашла? Почему? Почему? Почему?

Мне было 22 года.

А тот, кого я искала, был далеко!

И в то время, когда я, израненная душой и телом, рыдала, уставившись в потолок и повторяя вновь и вновь свои глупые вопросы... Тот, о ком я плакала и кого призывала, уже был одной из самых ярких звезд мирового кинематографа. Но об этом я узнаю годы и годы спустя...

* * *

...Но об этом я узнаю годы и годы спустя...

В огромной комнате, окутанной мягким туманом, где границы становятся зыбкими и прозрачными, а углы и стены словно размываются, повисла тишина. Такая тишина, когда очень хорошие и воспитанные люди, застигнутые случайно рядом с чужой глупостью или подлостью, сами находятся в шоке, недоумевая, как правильно на нее реагировать. И надо ли, например, отсюда выйти как-то, чтоб без неловкости и стыда, или вообще притвориться, что ничего не было? Или возмутиться все же, наплевав на статус и, возможно, оказавшись еще в более неловкой ситуации.

Высокая и какая-то изломанная фигура Хана застыла у окна. Он опирался высоко поднятыми сжатыми кулаками на стекло, словно хотел оттолкнуть его изо всей силы и вылететь наружу, голова была опущена. За окном висела стена из дождя. Небо из дождя. Лес или ущелье, море или степь – ничего не было видно. Только серые потоки воды.

Бесшумные. И бесчувственные.

– Это было некрасиво. Это была очень плохая история. Жанна подошла к нему и положила руку на его плечо.

– Но ты же понимаешь теперь?

Хан оторвался от стекла и посмотрел на нее. Красивые темные глаза покраснели и сощурились. Зубы сжаты так, что скулы выдались вперед и заострились, разрезая каждое произнесенное тихое слово:

– То, что он вовремя вернулся и поехал в больницу – это тоже вы?

Жанна улыбнулась одними глазами и утвердительно кивнула.

– Елена уже была в ссылке в Облачном Доме, но еще кое-что смогла сделать. Этой женщиной невозможно командовать, и ей ничего нельзя запретить. Потому и живет здесь столько лет.

Хан посмотрел на женщину с белыми волосами, кивнул, словно благодаря или прося прощения, улыбнулся Жанне и, повернув лицо к лежащей на его плече тонкой сильной руке, нежно ее поцеловал.

Женщина с белыми волосами положила невесомый листок чужой книги на стол, и он благополучно исчез, как и его предшественники, вспыхнув легкими искрами, похожими на белые песчинки безмятежных далеких пляжей.

– Это не просто история, Хан. Ты же знаешь. Это правда. Она не может быть красивой или некрасивой. Она не

нуждается в эпитетах. Просто правда.

– Почему я не понимаю то, о чем вы говорите? Скажите, вы же тогда уже жили, да, когда это все с ней происходило? – девушка по имени Птица подбежала к столу, где угасали последние искры исчезающих страниц. – Вы это все уже видели? Я не спрашиваю, почему вы не помогли молодой девушке. Свадьба. Какая-то темная странная история... мне кажется, я ее где-то видела или слышала. Не могу вспомнить. Лала в эти годы уже имела право на выбор и ошибки, за которые заплатила. Но я помню, что у нее было тяжелое детство. Страшное чертово детство. Оно сделало ее такой – вечным ребенком, неуверенной, сомневающейся во всем, ищущей чужого одобрения и поддержки, считающей, что она недостойна счастья и любви, с нелюбовью к себе... как вы допустили это? Вы почему, черт вас бери, не помогли ей, когда она была маленькой девочкой? Чего я не знаю??

В комнату вдруг ворвался шум ливня, грохот грома, слышно было, как скрипели то ли деревья, то ли тучи, царапающие крышу, то ли огромные качели где-то за окном, по-прежнему закрытым. Жанна испуганно посмотрела на Птицу:

– Режим неупоминания! Темные не называются и не призываются! Нельзя нарушать! Иначе защита не выдержит! – она взяла с полки стеклянный шарик на подставке, похожий на рождественский сувенир, привозимый часто

дальним друзьям и родственникам после путешествий, когда ты не знал, что привезти. Там не было ни снеговичка, ни Деда Мороза, ни башенки с часами. Там, словно выхваченный из другой реальности, стоял маленький бревенчатый домик в окружении густого леса и высоких гор, которые терялись в дымке облаков у стеклянных стен.

Вокруг домика бушевал крошечный ветер. Летели листья, ветки, раскачивались огромные по сравнению с домиком деревья. Жанна провела правой рукой над шаром, словно погладила, успокаивая. Шар засветился теплым светом. Игрушечная буря утихла. Исчезли и все звуки разбушевавшейся природы внутри круглой комнаты.

Женщина с белыми волосами устало вздохнула.

– Птица, ты не права сейчас была. Темные не называются. Во-первых. И во-вторых, мы не армия спасения. Мы – те, кто наблюдает.

– Странно, я была уверена, что наша цель – как раз спасти. Нет? Я что-то пропустила? Наша цель не спасти? – худенькая Птица, сейчас больше похожая на нахохлившегося вороненка, от нетерпения и обиды подпрыгивала на месте.

– Ты все поняла правильно. Спасти. Ты все поняла неправильно. Не ее. Но без нее мы ничего не сможем сделать. Поэтому пока можем просто наблюдать. Когда она обретет всю свою силу. Без испытаний сила ниоткуда не появится. Подожди еще немного...

И можешь мне поверить, мы все находимся здесь как раз потому, что иногда немного вмешивались, не давая Лале уйти, продлевая ее жизнь. А вместе с жизнью и мучения, и надежды, и ее любовь.

Жанна, улыбнувшись, посмотрела на говорившую, покачала головой, и взяв Птицу за руку, подвела к окну.

– Дорогая девочка, сейчас ты еще не все понимаешь и не все можешь вспомнить. Память о кармических задачах у каждого из нас открывается в определенное время и после определенных событий. Твои еще не случились. Не торопись. Все хорошо. Давай сделаем немного солнца, хочешь? Смотри. Положи левую руку на сердце, правую вытяни вперед... Вот так... – Она обняла Птицу, потом быстро отвернулась и взмахнула головой, словно стряхивая непрошеную слезинку, а после прошептала на ухо своей юной подруге заветную формулу. Девушка беззвучно повторила. Ничего не изменилось.

– С любовью, Птица. Все, что бы ты ни делала, делай с любовью.

Та напряженно кивает, упрямо сжимает губы, делает большой вдох, а на выдохе улыбается и шепчет нужные слова. Появившееся из ниоткуда солнце осветило четырех человек, комнату мягких очертаний, теряющую в тумане углы и стены, и новые листы рукописи на покачивающемся в невесомости столике. В этот раз в вазе стояли ветки жасмина. Сладкого, терпкого, хмельного.

Фархан Али

Шел 1997 год.

Ему недавно исполнилось тридцать два года. Он был красив. Он был талантлив. Он был загадочен, магнетичен, в нем было нечто завораживающее, он был тем, о ком мечтали десятки миллионов женщин в возрасте от трех до девяноста трех лет. У него было все, о чем только можно было мечтать. И никто не знал о том, что глубоко внутри, он так и не смог пережить свою страшную потерю.

Фархан Али родился ровно на 9 лет раньше меня в штате Вирджиния.

Мать его была индианкой, с удивительным именем: Парвати. В индуизме, Парвати – это жена бога Шивы. Ее называют «Дарующая Блаженство», «Благодатная Мать».

Отец же его – высокий, красивый, синеглазый Аман Али, был американцем с арабскими корнями. Будучи в Индии по делам, он встретился с Парвати, которая была тогда совсем молоденькой девушкой семнадцати лет. История их встречи и то, как им все-таки удалось добиться разрешения родителей Парвати на этот брак, могла бы стать отдельной книгой. Дело в том что Аман был мусульманином, а Парвати была воспитана в традициях индуизма. Но Любовь в конце концов победила, и Парвати с мужем переехала в Америку. Вскоре у них родился сын, которого назвали в честь дедушки, отца

Амана. Фархан.

А позже у них родилась еще и девочка. Фатима. Фархан очень сильно походил на мать, унаследовав ее оливковую кожу и темные бездонные глаза, в которые хотелось смотреть вечно, не отрываясь. Этим глазам суждено было покори́ть полмира. От отца же он взял красиво очерченные губы, немного полноватые и чувственные для мужчины, но делавшие его еще более неотразимым, его густые черные волосы, которых, казалось, было бы достаточно для нескольких человек, и высокую стройную фигуру, наделенную грацией пантеры. И как будто этого было недостаточно, судьбе было суждено, чтобы он родился под самым загадочным и мистическим знаком Зодиака. Знаком Скорпиона.

Я читала где-то о том, что Природа не позволяет мужчине – Скорпиону рождаться внешне красивым. Считается что Скорпион обладает таким количеством природной Магии, что красота ему совершенно ни к чему. Он и так способен одним взглядом пригвоздить тебя к стене и заставить кого угодно подчиниться своей воле. Но что касается Фархана, то он оказался, скорее, исключением из правил, и был сказочно красив.

Он с детства имел неисчерпаемую страсть к книгам, и обладал просто невысказанным интеллектом, вперемешку с наивным очарованием пятилетнего мальчишки. Не любить его было невозможно. Абсолютно невозможно! Его учителя говорили: что бы он ни вытворял, ему никогда ничего не было,

ибо наказывать его не хотелось никому. А был он шутником, озорником и хулиганом, но все сходило ему с рук. Потому что одной своей улыбкой он мог растопить камень.

Его детство и юность были довольно обычными. Школа, колледж, университет, друзья, спорт.

Он был очень близок с отцом, они дружили и понимали друг друга, начиная с раннего детства и на протяжении всей его жизни. Как старший брат, он конечно же обожал и баловал свою маленькую сестру Фатиму. Но решающую роль в его судьбе сыграла его мать, Парвати.

Фархан был не просто привязан к матери. Он боготворил ее. Она была для него всем на свете. Для нее же он был Единственным, Талантливейшим и Лучшим из всех людей мира. И его мама всегда мечтала, чтобы ее сын был актером, да не простым, а великим, знаменитым. Она ни на долю секунды не сомневалась, что у него это получится. Она верила безоговорочно, что ее сын станет звездой и будет своим искусством затрагивать сердца людей, влиять на их судьбы и делать их счастливыми.

Когда Фархану будет около 20 лет, он из Вирджинии переедет в Калифорнию, в пригород Лос Анжелеса. Отец откроет там свою фирму. Исполняя мечту отца, Фархан получает степень Магистра по международному праву.

Его мать работает в офисе отца и занимается домом. Помимо этого, она много работает волонтером в различных организациях, оказывающих помощь малоимущим и много-

детным семьям. Это была светлая женщина, добрая и трудолюбивая, никогда, однако, не обделявшая своих детей любовью и нежностью. Она никогда не контролировала каждый шаг своих детей, считая, что самое главное в отношениях с детьми – это доверие.

Однако всегда, в любой момент, дети могли рассчитывать на помощь, поддержку и материнские объятия. Сам Фархан много лет спустя скажет: «Все, чего я достиг в жизни, мне удалось достичь только благодаря моей матери».

Вера матери в своего сына и его успех в будущем оказала огромное влияние на его карьеру. Всем, кто знал их семью, она говорила: «Мне ни к чему беспокоиться о моих детях. Особенно о Фархане. Чем бы он ни занимался, он всегда будет лучшим из лучших. Будет ли он бизнесменом, адвокатом, дипломатом, актером, – он всегда будет непревзойденным! И это истинная правда!»

Для нее ее сын Фархан был мегазвездой задолго до того, как он этой самой мегазвездой стал в действительности.

Именно мама с детства привила маленькому Фархану любовь к кинематографу. Именно она ходила с ним в кино, а после фильма они подолгу обсуждали то, что видели. Рассказывала она ему также и о кинематографе своей страны. И любовь к родине его матери передалась и ему.

«Видишь, сынок? – говорила она ему, – актер может за одну жизнь прожить сотни жизней! Но самое удивительное, актер может глубоко затронуть душу человека! Этого может

оказаться достаточно для того, чтобы человек изменил всю свою жизнь, и жизнь тех, кто рядом с ним!»

Также с детства Парвати научила его языку своей родины. Хинди. И уже будучи подростком, Фархан смотрел с мамой не только фильмы, которые создавал Голливуд, но и фильмы, создаваемые в Болливуде.

Так что с детства он был хорошо знаком с обеими культурами и, впитав в себя лучшее из того, что было и в Голливуде и в Болливуде, он смог соединить это в своем творчестве воедино. К 30 годам он уже был звездой как в стране, в которой он родился, так и на родине его любимой матери, в Индии.

Работа Амана Али, отца Фархана, делала возможным юноше контактировать со многими людьми из киноиндустрии, которые знали его семью. Этим пользовалась Парвати. Уже с юности она представляла своего сына тем клиентам своего мужа, которые работали в кино.

«Это мой сын! – говорила она. – И он будет Звездой!»

Спорт тоже сыграл немалую роль в расцвете и продвижении кинематографической карьеры Фархана. Футбол. Теннис. Хоккей. Умение падать и подниматься. Проигрывать и побеждать.

Вначале в школе, а потом и в университете он принимал участие в различных постановках и спектаклях. Его яркая внешность вместе с талантом, грацией, убедительностью и эмоциональностью не оставляли ни у кого сомнений в том, что его ждет блестящее будущее. После университета он бы

мог легко сделать карьеру в области международного права. Но свое образование по назначению он так и не использовал.

Уже в двадцатилетнем возрасте за его плечами были нескольких успешных телесериалов, около десятка театральных постановок и работа в трех крупнобюджетных блокбастерах.

Его карьера шла по нарастающей. Не поддаться его магнетизму было невозможно. Для этого нужно было быть просто глухим или слепым.

Жизнь шла своим чередом, набирая обороты.

В этом же возрасте и к великому разочарованию растущей армии своих поклонниц, Фархан женился. Познакомился он со своей женой, Синтией на университетской вечеринке, когда ей было всего двадцать лет, а ему двадцать три. Она была американкой из очень богатой и уважаемой семьи, принадлежавшей к старой калифорнийской элите. Ее родители долго не соглашались на свадьбу с Фарханом.

Во-первых, избранник дочери был мусульманином, а ее семья придерживалась традиций католицизма. Во-вторых, родители Синтии считали, что быть женой актера – это не самая лучшая и завидная судьба для их единственной дочери. Однако устоять перед шармом Фархана им, конечно же, не удалось. Через два года молодые поженились.

Итак. Молодой, прекрасный, любимый, успешный. Семья, работа, молодая жена, карьера.

Ничего не предвещало беды, но она пришла неожиданно.

Когда Фархан был на съемках в другой стране, ему неожиданно позвонил отец.

– Сын! Срочно приезжай! Мама в больнице.

Первым же рейсом он вылетает домой. Забыв есть, забыв спать, забыв дышать.

Следующие несколько недель он ни на шаг не отходит от постели матери. Он ест только тогда, когда его заставляют насильно. Он не спит и только проваливается в забытие, в блаженную темноту, когда его организм отказывается более бодрствовать.

Скоротечный рак не оставлял места надежде. Но он не хотел отчаиваться. Он все равно надеялся. Он надеялся, что Бог, в которого он очень сильно верил, не отнимет у него самого дорогого на свете человека, маму. Он, как и все мы, ожидал чуда. Парвати то приходила в себя, то снова теряла сознание.

В те моменты, когда она была в сознании, она шутила с врачами и медсестрами, говорила ласковые слова своему сыну и мечтала о том, как он получит все мыслимые и немыслимые кинонаграды. Как они вместе потом поедут в Индию, на ее родину, и она с гордостью покажет его, ее любимого мальчика, многочисленной родне, которая все еще жила там. И он верил ей. Верил всем своим сердцем. Но потом Парвати впала в кому. И надежды не осталось.

Тогда он вспомнил, что в детстве мама рассказывала ему, что есть такая древняя молитва, которую надо прочесть ров-

но 108 раз, и после этого случится любое чудо. Но читать ее нужно обязательно под открытым небом. Он выходил на улицу из больничной палаты, находил более-менее пустынное место на парковке возле здания и начинал читать эту самую молитву. С закрытыми глазами он читал и читал, загибая пальцы, чтобы не сбиться со счета. И именно в тот миг, когда была прочитана сто седьмая молитва, его мать покинула этот мир. Смерть оказалась сильнее.

Его Отец вышел на улицу, плача, почти не видя путь перед собой. Он нашел своего сына читающим последнюю молитву. Он подошел к нему и положил руку сыну на плечо. Фархан никак на это не реагировал, но продолжал читать. Отец несколько минут не решался заговорить. Наконец, сжав плечо своего сына он тихо произнес:

– Бетта (сынок на хинди) Бетта! Мама ушла. Ее больше нет с нами, – его голос дрожит, и ему приходится собрать все свое мужество, чтобы не сломаться. Но Фархан словно не слышал его. Или не хотел слышать.

– Сынок...

Голос Фархана начал дрожать, по щекам текли слезы, но он не мог остановиться. Он слышал, что сказал ему отец. Но он не верил, не хотел верить... Не хотел... Последняя, сто восьмая молитва оказалась уже ненужной...

Во время прощания с Парвати беспрерывно лил дождь. Природа тоже плакала. Фархан шел за гробом, поддерживаемый двумя старыми друзьями. Он едва мог идти. Говорить

он тоже не мог. Вскоре все ритуалы были закончены, все молитвы прочтены и все слова сказаны. Настал момент сказать последнее «прощай».

Но Фархан намертво держался за руку своей матери. От горя он словно обезумел. Его мать была его жизнью, его смехом, его радостью, его вдохновением, его верой и всем миром вокруг него. И теперь это все уходило с ней, и он не хотел ее отпускать...

– Как я не умер тогда вместе с ней, я не понимаю до сих пор, – скажет он много лет спустя. – Жизнь для меня разделилась на «до» и «после». Я никогда уже не мог быть прежним. Эта боль и это горе никогда не покинули моего сердца. Но эта боль и это горе стали для меня тем, что привело меня туда, где я сейчас. Я поклялся исполнить мечту моей матери и стать самой яркой звездой на Небосклоне Мирового Кинематографа, и я исполнил ее мечту!

Шло время. Работа по четырнадцать часов в день стала для него своеобразным убежищем от боли, которую было невозможно исцелить. Спустя два года у него рождается сын, а спустя еще два года дочь. Дети, которых он обожает, наконец заполняют пустоту, образовавшуюся после ухода Матери. Его же успех актера растет год от года. Он смел и предпочитает идти не по проторенной дорожке, он берется за проекты, не сулящие коммерческого успеха, но которые он сам считает интересными. Призы и награды сыплются на него, как из рога изобилия.

И вот этот самый Фархан Али, и есть тот, глаза которого я ищу среди толпы. Он и есть тот самый, которого я зову, лежа в холодной больничной палате, он и есть тот самый Единственный. Тот самый Долгожданный! Та самая недостающая часть меня самой, без которой моей душе нет покоя. Но я об этом пока еще не знаю.

Я до сих пор не могу понять и даже представить себе, каким образом получилось так, что я *НИКОГДА* до 2014 года не видела его лица! Я, возможно, слышала его имя, но оно, по всей видимости, никак не отзывалось во мне. Возможно, одна из причин такова, что я очень люблю старые фильмы. И предпочтение я отдаю отнюдь не голливудским, а старым индийским, итальянским и французским фильмам. С начала девяностых (а его блокбастеры начали выходить именно в начале девяностых) я едва помню, чтобы я ходила в кино, именно в кинотеатр. У меня дома появился дешевенький видеоманитофон, и я брала напрокат множество кассет со старыми любимыми фильмами и по много раз их пересматривала. Но моими самыми-самыми родными, конечно же, оставались индийские фильмы. Я пересматривала старые ленты снова и снова. В них был этот неповторимый шарм и грусть ушедшей эпохи. Его же работы просто прошли мимо меня (или так суждено было). Его лицо мне на глаза тоже никогда не попадалось, иначе я *сразу* бы узнала *ЭТИ ГЛАЗА!* Но этого не случилось вплоть до той роковой ночи 2014 года.

Но об этом позже. А пока...

Исцеление

Пока я открыла глаза в больничной палате, утром после своей первой брачной ночи, первой своей ночи с мужчиной. Я, видимо, все же умудрилась провалиться в сон. Первое, что я увидела, было белое от ужаса лицо моей мамы и моего брата Алексея. Как оказалось позже, оставив меня в больнице на попечение врачей и медперсонала, мой новоиспеченный муж отправился домой спать. Проснувшись утром, он все же поехал домой к моей маме и сообщил ей, что я нахожусь в больнице, но «там ничего страшного нет и все будет в порядке». Увидев маму и брата, я начала опять плакать. Говорить я не могла, просто смотрела на них и рыдала молча. Брат повернулся к моему мужу, его лицо было искажено дикой яростью, я сжалась, ожидая драки. Лицо мамы было бескровным и как бы окаменевшим от моей боли. Но тут в палату с обходом пришел врач и вывел мою маму в коридор для «разговора». Брат отвернулся от меня и тихо сказал Артуру: «Если бы она умерла, я бы тебя голыми руками разорвал на куски! Подонок!»

Из больницы я вышла примерно через три недели. Все это время моя мама пыталась меня откормить. Но выходило у нее плохо. Я продолжала таять, сама не зная почему. Куда-то пропало желание жить. Но произошла, однако, еще одна вещь. Весь этот страшный опыт сильно обострил мои спо-

способности. Весть об этом облетела больницу за считанные часы. У моей кровати постоянно находились люди, которые задавали мне вопросы, на которые я равнодушно и бесстрастно отвечала.

Началось это все с того, что в обычный день моя постоянная медсестра ставила мне обычную мою сто пятидесятую капельницу, поскольку мой гемоглобин все еще был низким и никак не желал подниматься.

Продельвая все свои манипуляции, она «слишком громко», если так можно выразиться, думала, а я же попросту слышала ее мысли. И не только слышала, но и видела тех людей, о которых она думала. И тех людей, и их будущее. Я была в таком состоянии, что даже не задумывалась о том, *КАК и ПОЧЕМУ* я это вижу и слышу. Мне было все равно. На тот момент я была полумертвая, как сломанная кукла.

А думала эта чудесная женщина о том, что не стоит ей соглашаться на то, чтобы ее девятнадцатилетняя дочь выходила замуж за парня по имени Антон. Я не знаю, как у меня это получается, но я говорю всегда прежде, чем успеваю подумать и себя затормозить. Ведь я прекрасно знаю, *ЧТО* люди могут подумать. Но тогда мне было абсолютно все равно. Я была еще жива, но живой я себя не ощущала вовсе.

– И зря вы волнуетесь! – сказала я ей. – Парень хороший. Очень любит ее! Ну и что что ей 19, а ему 20! Пусть пожениятся! Они будут очень счастливы! Сынок у них скоро будет! Радость вам! А вот вы лучше за старшую дочь волнуйтесь!

Человек, с которым она встречается, видный! И при деньгах! Но душой он черный! Всю жизнь ее погубит! Не выдавайте ее за него!

У медсестры лицо стало белее снега, и капельница застыла у нее в руках.

Вот с того и пошло! В моей палате было пять коек. На тот момент там лежали я и еще одна женщина. Но после этого случая туда перевелось еще трое. По ночам я им пела. Мой голос каким-то странным образом успокаивал боль. Люди рассказывали мне всю свою жизнь, жизни свои детей и родных. Я все это видела, как на ладони. Меня прозвали «пророчица», и ко мне шли, и шли, и шли люди. Когда меня выписали, собралась огромная толпа. Люди давали мне свои адреса и телефоны. Благодарили, обнимали, желали мне всяческого здоровья и счастья... О, как же я была далека от этого самого здоровья и счастья. Из больницы я поехала прямо домой к маме.

Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы я вернулась в квартиру к «мужу». Тимошка же оставался со мной и мамой. Он очень сильно любил меня и не отходил от меня ни на шаг. Артур понимал, что ему со мной лучше. Но у меня все еще оставался ключ от его квартиры. О разводе мы не говорили. Хотя было совершенно ясно и понятно, что жить я с ним не буду. Только он не хотел сдаваться. Как это ни странно, но он, по всей видимости, продолжал надеяться, что каким-то чудом все наладится.

Может быть, он все же любил меня. Скорее всего. Просто он был чужой. Нечуткий. Грубый. Но, скорее всего, он был таким всегда. Просто я всегда думала о маленьком Тимошке, а надо было присмотреться к человеку, за которого я согласилась выйти замуж.

Я привыкла к давлению, привыкла к насилию, не сопротивлялась, думала, что вытерплю, как обычно, пыталась сделать как лучше для малыша... И разрушила две судьбы. Или три. Да, скорее всего.

Артур чувствовал себя виноватым и всячески пытался эту вину загладить. Мало того, однажды, несколько месяцев спустя, он стал передо мной на колени и сказал, держа меня за руки:

– Я очень сильно виноват перед тобой. Я страшно виноват перед тобой. Умоляю! Если сможешь, прости меня. Я тебя безумно люблю! Я дышать не могу без тебя! Я все сделаю! Только скажи! Скажи, чего ты хочешь? Все будет, как ты скажешь. Хочешь, в Париж поедем? Или в Индию. Ты же всегда мечтала об Индии. Скажи, чего ты хочешь? Я все сделаю. Я не хочу, не могу потерять тебя!

Но я не хотела ничего. Его прикосновения, даже самые невинные, ввергали меня в ужас. Он засыпал меня розами, покупал мне дорогие украшения, которые впоследствии я отдала ему обратно. Он очень хотел меня вернуть и все для этого делал, но я была словно мертвая. Я не чувствовала вообще ничего. У меня была странная температура тела. Ниже

нормы. Мне было постоянно холодно, и я двигалась и выполняла домашнюю работу, словно робот. Я научилась надевать на себя маску, и почти смогла заставить людей, окружающих меня, поверить, что у меня все в порядке. Но это было ложью.

Причиной холода и пустоты внутри был не только мой первый неудачный сексуальный опыт и грубость мужа. Не только вернувшееся ощущение собственной никчемности, ненужности и неудачливости. Было что-то еще...

После выхода из больницы я вернулась в университет, и внешне все вроде бы было как прежде. Но я знала и понимала, что со мной что-то не то. И это нельзя было объяснить просто шоком, стрессом от того, что пришлось пережить. Нет. Я понимала, я изнутри чувствовала, что было еще что-то, но что? Я этого не знала. Держалась я тогда на большом количестве кофе, так как у меня не было сил ни на что. Мне не хотелось есть. Мне не хотелось никого видеть. Для меня было подвигом просто заставить себя встать с постели. Мама всячески отпаивала меня целебными травами и отварами. Но мне ничего не помогало. Я хотела быть одна. Это было все из того, что меня устраивало.

После занятий в Университете я ехала в большой парк, потому что там можно было найти пустынные аллеи, где никого не было. Там я и бродила часами. Я стремилась остаться одной. Совершенно одной.

А еще я стала чувствовать страшное, всепоглощающее

чувство вины! *Вины перед НИМ.* Перед тем, кого я искала, но так и не нашла. Объяснить этого я не могу. Но каждой клеточкой своего существа, каждой частичкой сердца и души, столько, сколько я помню себя, я всегда чувствовала, что принадлежу только ему одному. Что я «его» и больше ничья. Ведь я всегда мечтала только об одном. Я найду его, или он найдет меня, и именно Он будет у меня первым и единственным. Никак иначе я себе свою жизнь и не представляла, да и не хотела представлять. Но все повернулось иначе! И во всем случившемся я винила только саму себя.

Выйдя замуж за Артура, я пошла против самой себя. Я отдала свое тело тому, кому оно никогда не должно было принадлежать, нелюбимому, и вот за это я и поплатилась. Я чувствовала себя грязной, оскверненной, запятнанной. Разве об этом я мечтала все годы детства и юности? Разве об этом? Чем я заслужила такой страшное наказание? Но, наверное, заслужила, раз это со мной произошло! Так я говорила сама себе. На протяжении долгих лет после той страшной ночи у меня вошло в привычку каждый день, утром и вечером, подолгу стоять в душе под струей горячей воды и тереть себя, чем только можно. Умом я, конечно же, понимала, что вода тут не поможет. Но я продолжала это делать. А еще винила я не только себя. Во мне появилась обида на Бога... Боль и Обида.

Тогда я, как христианка по крещению и вере, соблюдала все посты и все правила и наставления, какие только были,

хотя, увы я не находила никакого покоя в церкви. От храмовых ритуалов неприятно щемило в груди, мне было там душно и не хватало воздуха... Я убедила себя в том, что просто у меня черная душа, и поэтому я все это чувствую. Я изо всех сил старалась быть правильной и хорошей девочкой. И мне искренне казалось, что я таковой и была. Наверное, поэтому я никак не могла понять, *почему БОГ* заставил меня пройти через все это. Я была уверена, что я этого вовсе не заслуживала. Я хотела быть счастливой. *Хотела найти ЕГО*. Я чувствовала, что принадлежу ему, и никому другому принадлежать не должна. *Так ПОЧЕМУ же* меня протащили через весь этот кошмар? В чем я виновата? В отступничестве? В мягкотелости? В глупости?

Мне казалось, что я уже никогда его не найду, потому что мое тело не было «чистым». После той страшной ночи, я больше не видела во сне его глаз. И это меня сломало окончательно.

Прошел месяц, два, три, шесть. Однажды, возвращаясь домой из университета, я села не на тот автобус. Маршрут чужого автобуса пролегал через старое городское кладбище. Сразу оговорюсь, я очень сильно боюсь кладбищ и обхожу их десятой дорогой. Но тут, увидев высокую стену и за ней множество могил, я вдруг попросила водителя остановиться.

Я сошла около кладбищенской стены и направилась к воротам. Я зашла внутрь. Там было абсолютно пусто. Не было совсем никого. Зима. Довольно холодно. Но холода я не чув-

ствовала. Уже давно. Может потому, что холодно было у меня внутри. Странно, но кладбище не вызвало у меня прежнего ужаса. Совсем наоборот. Вдруг, непонятно по какой причине, мне стало спокойно. Я внезапно перестала ощущать эту тупую боль в области груди. Кладбище было старым и потому очень, очень большим. Я начала бродить среди могил. Я читала имена, смотрела на фотографии. Я присаживалась на маленькие скамеечки и не замечала, как становилось темно. Никакого страха я не испытывала. Наоборот, мне не хотелось оттуда уходить. *Я ПОНИМАЛА*: что-то было очень «не то» и очень «не так»! Но бороться с этим у меня не было ни сил, ни желания. Моя жизнь закончилась. Так я тогда думала. Его я больше никогда не увижу и не найду. Так какой же смысл продолжать жить? Я угасала. Медленно, но верно.

Я стала приходить на кладбище каждый день. Иногда я покупала цветы и раскладывала их на старые могилки. Гуляла там. Сидела часами. Пока однажды не случилось то, что меня, как я сейчас понимаю, спасло. Однажды, зайдя в ворота кладбища, я увидела пожилую женщину, которая продавала цветы. Их у нее было мало, и просила она какую-то очень небольшую сумму. Я решила купить у нее все цветы. Но когда я давала ей деньги, она вдруг взяла меня за руку. Я не могу сейчас вспомнить ее лица.

Она взяла меня за руку и сказала спокойным, тихим и очень добрым голосом:

– Детонька... Детонька, послушай! Сгубить тебя хотят! Не

сгубили, потому как Светлая ты! Очень Светлая! Но если не найти того, кто это отчитает, то сгубят! Найти кого-то надо, детонька! Чтобы вычитали тебя! Ты вот что! Ты в монастырь пойди, тот, что недавно отстроили. Там есть такая Наталья! Поищи ее! Она поможет тебе! А сюда не ходи больше, деточка! Не ходи! Не место тебе среди мертвых. *На ЗЕМЛЮ портили тебя! С могилы взятую.* Могила с твоим именем!

Я стояла, словно в землю вросшая! Не знаю, минуту, или полчаса. Но когда ко мне вернулась способность говорить, я спросила:

– И что они сделали с этой землей, бабушка?

Женщина на минуту замолчала. Все это время она продолжала держать мою руку в своей.

– *Земля в кровати,* – сказала она.

И мне все стало ясно в тот же миг! Вспомнила я и эту чертову кровать, и как трясло меня при одной мысли о том, что нужно на нее лечь, и тот ужас, который она во мне вызывала. Я сейчас вспоминаю, что было дальше, словно во сне, словно в тумане. Я пошла на остановку, села на автобус и поехала к дому, где жил мой муж. Я знала, что если увижу его машину на стоянке, значит он дома, если же нет... Значит, его там нет. Машины не было. Я поднялась на лифте на девятый этаж. Ключи у меня еще почему-то были с собой. Мы ведь все еще числились женатыми, может, я их носила в сумке, как напоминание о моей несвободе. Не помню.

Закрыв за собой дверь, через минуту я стояла напротив

этой проклятой кровати... Мне почему-то опять стало жутко и невыносимо страшно. Наконец я нашла в себе силы и подняла огромный двуспальный матрац. Мне пришлось свернуть его почти вдвое. На середине кровати лежал сверток. От него шел холод, словно от могилы на том кладбище, с которого я только что приехала. Я взяла его в руки. Это был женский головной платок. Развернув его, я увидела в середине землю... Я уже знала, что это была за земля. Тогда я не знала о том, что брать подклады в руки категорически запрещено.

Как только сверток оказался у меня в руках, возникло жуткое и страшное видение. Я лежу в заколоченном гробу, и при этом *Я ЕЩЕ ЖИВА*. Мне страшно и до ужаса холодно. Мне стало дурно до такой степени, что я осела на пол, и на лбу у меня выступил холодный пот. Я замерзла, и меня трясло, как при высокой температуре. Наконец, усилием воли я заставил себя подняться с пола.

Я не знала, что с этой землей делать. Положив сверток в сумку, я вышла из квартиры и поехала в монастырь, о котором мне сказала женщина на кладбище. Или это была не женщина. Иногда мне кажется, что это вовсе не был человек. Возможно кто-то из Высших, из моих хранителей, пришел, чтобы сохранить мне жизнь.

Я приехала в монастырь и пошла напрямиком в храм. В маленькой лавке, где продавались свечи, просфоры и прочая церковная утварь, я увидела женщину. Она стояла ко мне

спиной и была чем-то занята. Но словно почувствовав мой взгляд, она обернулась и на миг застыла, глядя мне в глаза. Ее глаза были серебристо-серого цвета.

– Здравствуйте, – я не совсем понимала, что мне следует говорить.

– Я ищу женщину... Ее зовут Наталья. Возможно, вы сможете мне помочь. Видите ли... Одна женщина... Там, на кладбище... Я... Встретила женщину на кладбище, она цветы продавала... И... Она сказала, что на мне порча. Я землю нашла под матрасом. В общем, она сказала мне прийти сюда и спросить у вас за Наталью... Чтобы она меня отчитала...

Все время пока я ехала туда и пока говорила, меня все так же продолжало трясти в ознобе. У меня даже губы стали сухими и белыми.

Женщина продолжала на меня смотреть...

– Небось за красоту порчу-то навели, – наконец заговорила она.

– Я... Я не знаю...

– Я не знаю, – передразнила она меня, но по-доброму, без злости либо издевки в голосе.

– Да от тебя глаз не оторвать! Правда, бледная больно! Дам я тебе Натальи телефон! Но учти, она всех подряд не берет. Позвони ей и скажи от меня. Зина меня зовут. Поняла?

Я закивала головой.

– Спасибо вам! Огромное вам спасибо!

Я уже собралась было уходить, но внезапно вспомнила о

подкладе.

– Скажите, – снова обратилась я к ней, – а...что мне делать с этим?

И я вытащила из сумки сверток с землей.

Зина взглянула на сверток в моей руке, и лицо у нее посерело.

– Ох... Батюшки! Пресвятая Матерь Божья! – она прижала обе руки к лицу. Серые светлые глаза ее распахнулись, наполнились одновременно и испугом, и участием или жалостью. Она подошла ближе и несколько минут смотрела на сверток в моей руке.

– Это кто ж тебя так проклял-то? – наконец сказала она. – Ведь на смерть сделано! Не иначе! Аж озноб прошиб!

Потом она с неверием и восхищением вновь посмотрела на меня...

– *И ВЫЖИЛА ВЕДЬ!* Это ж какая сила хранит тебя?!

Она снова какое-то время молча смотрела на меня, словно пытаясь что-то увидеть.

Потом сказала:

– Есть кто-то... Только вот не знаю, кто. *Но они хранят тебя.* Они словно всегда и незримо везде с тобой. И не Духи, и не Ангелы. Вроде люди... А вроде и нет. Не могу понять. А порча-то сделана сильно! Грамотно сделана! И не пожалели тебя, души черные!

– Вы в этом понимаете? – спросила я.

– Да. Понимать-то понимаю. Видеть вижу! А вот снимать

не умею. Знаю только, что портила тебя женщина. Из-за мужика. Дорогу ты ей перешла. Забрала его. Обычный случай. Такое часто случается. Только вот, чтобы так сильно. На смерть... Бедная девочка! Ну ты вот что! Звони Натальюшке! Она поможет! А это, – она указала на сверток, – здесь оставь! Я знаю, что с этим делать.

Уже на следующее день я была в крошечной квартире у Натальи

Наталья оказалась красивой рыжеволосой женщиной слегка за 50, с пронзительными глазами цвета неба в июне, с мягкими солнечными конопушками, делающими ее лицо на удивление юным и свежим. На полу была расстелена белоснежная ткань, на которую она меня уложила. Рядом с моей головой стояло две свечи, две свечи в районе груди и две в районе ног. Она сказала мне то же самое, что и женщины на кладбище и в монастыре.

– Света в тебе много! Как водопад в лучах солнца. Поэтому и выжила. Но еще и потому что ты из «ключевых!». Раньше времени тебе уйти с этой Земли никто не даст.

– Из Ключевых? Это как?

– Это такие Души, которые, придя на Землю, могут менять жизни многих других людей. К лучшему менять, понимаешь?

– Я????? Нет... Что вы! Вы наверное что-то путаете. Я совсем ничего не могу! Да и не могла никогда...

В ответ на это она только улыбнулась.

– А вот принятия себя и любви к себе в тебе нет совсем! И это плохо! Но это потом. Мне сначала из лап смертушки тебя вырвать нужно.

И она начала меня вырывать их этих самых лап. У нее была старинная книга на старославянском языке. И меня тогда уже поразило, что тексты эти были обращением не к христианскому Богу, а к старым, очень древним Богам. В невообразимо красивых текстах она призывала Мать Богов Ладу, призывала ту, что плетет нить человеческой судьбы, Макошь. Но чаще всего она призывала мой Род и каких-то «Хранителей Рода». Ощущение от чтения этих текстов было невероятное. Поначалу было очень страшно. Уже через несколько минут во время первой «вычитки» я четко увидела себя лежащей в холодном гробу с закрытой крышкой. Меня обуял такой ужас, что я хотела вскочить, но Наталья удержала меня. Она продолжала читать. И вот постепенно крышка этого самого гроба, в котором я лежала, начала приоткрываться.словно луч света проник в темноту. Она открывалась больше и больше. Но это происходило очень медленно. Потихоньку мне становилось легче дышать, и словно тонкой золотой струйкой жизнь начинала вливаться в меня. А Наталья все читала и читала, как будто бы пела песню древнюю:

– На синем море бел-горюч камень Алатырь, на камне Алатыре Богиня Лада сидит, в белых ручках держит белого лебедя, ошпиывает у лебедя белое крыло. Как отскочило-отпрыгнуло белое крыло, так

отскочите, отпрыгните, отпряньте от Аллы родимые
огневицы, горячки и лихорадки. С буйной головушки,
с ясных очей, с черных бровей, с белого тельца, с
ретивого сердца. С ветру пришла – на ветер пойдя, с
воды пришла – на воду пойдя, с лесу пришла – на лес
пойдя. От века и до века.

*Шла русалка лесной дорожкой,
оцарапала нежну ножку,
А из ранки той да не кровь – руда,
а из ранки той да чиста вода.
Да чиста вода та ручьем текла,
да по всей земле та вода прошла.
Да на остров тот, да на тот Буян,*

*на Буяне том да высок курган.
На кургане том камень-Алатырь
лежит во всю ширь.
Не поднять его, не свернуть его,
пока род людской на земле живет.
Как под камень тот утекла вода,
а за ней беда – навсегда.
Ныне и присно, и от круга до круга!
Тако бысть, тако еси, тако буди!*

Странник Лег, Светлый твой Хранитель, данный
тебе Родом-Покровителем в охранение, прошу тя
усердно:

Ты Аллу днесь просвети и от всякого зла сохрани,
ко благому деянию настави и на путь праведный
направи,

да будут все деяния ее да во Славу Сварога и Рода Небеснаго.

Ныне и присно и от круга до круга! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Ой ты, Лада-матушка, мать СВА Небесная-пречистая!

Не остави нас без любви и счастья! Благодать свою ниспошли на нас, яко и мы чтим и славим тебя Ныне и присно и от круга до круга! Тако бысть, тако еси, тако буди! До скончания времен, пока светит нам Ярило солнце!

Словно солнце теплом и светом проливалось на меня с каждым ее словом, растворяя и мои страхи, и холод, и гроб, в котором я уже лежала в чьем-то больном воображении и по чьему-то желанию.

Я поняла, что набедовавшаяся с молодым любовником бывшая жена Артура, с которой он не хотел видеться и которую не подпускал к сыну, очень захотела вернуться домой, к богатству и спокойствию. Вот она и решила, что если я умру, то проблема с ее возвращением решится сама собой.

Наталья сказала, что в кровати была земля с могилы какой-то Аллы, а на кладбище, куда меня тянуло так сильно, где-то зарыта восковая куколка с моим именем. Кукла что была «мною», тянула меня на кладбище, словно домой, и не вмешайся в мою жизнь Высшие силы, я бы и обрела свой дом на том самом кладбище. Но Судьба или Хранители распорядились так, что я все же выжила.

Целый год эта удивительная женщина вытаскивала меня из мрака, в котором я оказалась. Она умывала меня водой из семи колодцев, вычитывала меня древними молитвами, поила меня заговоренным молоком и медом, выливала воском на воду. Мы ездили в лес на Купалу, и я босиком бродила по утренней росе, пока она читала древние заговоры. Потихоньку, медленно, но верно, жизнь возвращалась ко мне. А моего брака, который был все еще действителен на бумаге, на самом же деле давно уже не существовало. С самого начала. Мне нужно было решиться потребовать развод у моего мужа.

Я долго не могла отважиться это сделать. Я его попросту боялась. Он стал одним из моих кошмаров, которых и так было немало в моей жизни. Когда я его видела, у меня от ужаса внутри все просто сворачивалось в комочек и леденело. Он еще пытался наладить со мной отношения, но, видя, какой ужас отражался на моем лице, когда он пытался хотя бы коснуться меня, предпочитал меня не трогать.

Наконец настал тот день, когда я решила попросить у него развод. Я опять во всем обвиняла себя. Это уже даже не привычка, а мой стиль жизни: обвинить себя, чтобы было легче окружающим. Но ему это все равно не понравилось. Он то уговаривал меня, то угрожал, то умолял. Обещал любовь до гроба и звезды с неба. В конце концов он сказал:

– Если ты разведешься со мной, то моего сына не увидишь больше никогда!

Увы, я была настолько наивна, что не поверила ему. Ну не станет же он лишать сына той любви и внимания, которое мальчик получал в моем доме. Но я снова ошиблась.

В тот день, когда документ о нашем разводе был подписан, мой теперь уже бывший муж взял маленького Тимошку с собой в детский театр.

Больше я никогда не видела мальчика. Никогда. Слово свое бывший муж сдержал.

Я не ожидала этого, и потому была просто убита. Мое сердце тосковало по малышу. Я много плакала, мысленно разговаривала с ним и просила у него прощения. Я делала это даже много лет спустя.

Много лет я жила с чувством вины перед этим маленьким мальчиком за то, что я вначале дала ему дом и семью, а потом он всего этого лишился. Конечно, он ничего не понял тогда, и у меня не было возможности потом, через годы, все объяснить и попросить прощения. Мы никогда больше не встречались.

Летом того же года мне исполнилось двадцать три. Работа Натальи со мной была завершена.

Но глаз *ЕГО*, моего звездного любимого, моей половинки, я все так же не видела в своих снах уже почти два года. И хотя мне помогала память об этих самых снах, к сожалению, одной памяти мне было мало. Безумно мало! Я хотела, чтобы эти сны вернулись. В них я черпала силы! Силы для того, чтобы терпеливо *ДОЖДАТЬСЯ* нашей с ним встречи!

Но снов о нем, как я уже говорила, не было уже около двух лет. Меня это очень сильно мучило и изводило. И я наконец, первый раз в своей жизни я решилась рассказать кому-то о том, что с самого детства жду и ищу кого-то. Я рассказала это Наталье.

О Пламенных Близнецах тогда никто не знал ни сном ни духом. Но миф о половинках душ был известен всем. Хотя его тоже толком никто не понимал, и в реальной жизни тогда в это никто не верил.

Но к моему изумлению, по окончании моего длинного рассказа, Наталья сказала:

– Я часто ощущала и чувствовала, что рядом с тобой словно чья-то Душа еще есть. Но не могла понять, чья. Это тот, кто как бы всегда незримо находится рядом с тобой. И он не с тобой. Наложение двух одинаковых рисунков. Вы одинаковые. И вы разделены.

Теперь, после того как ты мне рассказала об этом, я понимаю. Значит это был Он, тот, кого ты ждешь и кого ищешь. Наверное, ваши души раньше никогда не расставались. А теперь вас разлучили. То есть, в физическом мире. Но не в физическом вы всегда вместе. Думаю, что и ты там, рядом с ним. Где бы он ни был, кем бы он ни был, наверняка, и он ждет и ищет тебя.

Я не знаю, как и когда вы найдете друг друга, но я точно знаю, что это случится. Я знаю это наверняка! Скорее всего, именно ты найдешь его! Как и когда, я тебе ответить не смо-

гу, но точно знаю, что найдешь! Это написано у вас на Роду! Это то, для чего вы пришли на эту Землю, это то, для чего тебе дано было пройти через все, через что ты прошла. Ты найдешь его! Обязательно найдешь!

И в ту же ночь я увидела его глаза Снова! И с ними ко мне снова вернулась Жизнь и Надежда. Я найду его! Или Он найдет меня! Обязательно! Иначе и быть не может!

* * *

...И с ними ко мне снова вернулись жизнь и надежда...

Птица закончила читать главу и радостно подбросила листок в воздух. Он на удивление рассыпался не искрами, а небольшими белыми цветами.

– Это ромашки, да? Это так называется цветок? Ромашка? Я так рада, что Лала ожила и начала видеть глаза своей половинки. Что-то меняется к лучшему. Что-то обязательно случится! Хорошее. и... плохое? Я не помню еще... Я пока только чувствую.

Жанна отошла от мольберта. Склонив голову, посмотрела на законченную уже работу. На холсте был ромашковый луг, кромка синего леса, ослепительно голубое небо, два ярких солнца и три бледных луны. Бирюзовая, золотая и васильковая.

– Да, Птица. Это ромашки. Они мне тоже нравятся. Видишь, у тебя уже получается менять реальность. С любо-

вью. Мы тоже тогда были рады, что определенный этап в жизни Лалы закончился. Жизнь начала поворачиваться к свету.

– Как подсолнух? – Птица сияла. Ее глаза, похожие на блестящие каштаны, спрятанные за длинными ресницами-колючками, распахнулись широко и радостно, плечи расправились, как будто она только что сбросила с них непосильный груз, длинные загорелые ноги выплясывали, вставали на носочки, подпрыгивали вверх, кружились на месте. Мягкий подол белого, на первый взгляд бесформенного платья выюнком заворачивался вокруг коленей и потом поднимался вверх, и снова опадал легким облачком, подчеркивая стройную фигурку с тонкой талией и высокой грудью.

– Хороша, ой, как хороша, девочка. Сама как цветок, – Жанна в шутку мазнула аккуратный носик желтой краской. – Подсолнух. Идет за солнышком.

– А здорово, что Лале встретилась Наталья, да? Вот прямо вовремя, да? И тоже, как ты, Жанна, добрая и светлая, и волосы у вас рыжие и веснушки. Это не родственница твоя? – Птица с любопытством посмотрела на художницу.

Та отвернулась и начала складывать краски в коробку, делая вид, что не слышит.

– Ага, кажется я знаю, как и за что здесь оказалась Жанна, – сказал Хан, пристально взглянув на женщину. – На спасение не было санкций?

Элена поймала взгляд, не отвела глаз и спокойно, буднич-

но ответила:

– Не было. Считалось, что зло, причиненное бывшей женой Артура, уравновешивается неправильно принятым решением самой Лалы. Решение это в будущем повлияло на характер и всю жизнь как самого Артура, так и Тимура. Артур женился еще два раза, с женами был груб, подозрителен и ревнив, потому дважды разводился. Теперь презирает весь женский род, уверен, что женщины – существа подлые, хитрые и неблагодарные. Мальчик же...

– Не надо! – вдруг закричала Птица.

Она внезапно сникла, опять втянула голову в плечи и уже шепотом произнесла:

– Пожалуйста, не надо о мальчике. Я не хочу... – она медленно пошла к окну, в котором видны были два ярких солнца и три бледных луны над ромашковым полем, и стала смотреть вдаль невидящим взором.

– Девочка, не волнуйся так. Он жив! Они даже еще когда-то встретятся! – это сказала Жанна, но поникшая Птица уже вышла из комнаты и ничего не услышала.

Женщина с белыми волосами укоризненно покачала головой:

– Жанна, это необоснованно преждевременная информация. Психологическая угроза второго уровня. Я только хотела сказать, что мальчик не поверит папе, что она их бросила, и будет ее искать. Убегать из дома. Потом замкнется на несколько лет... – она запнулась.

– И каждый должен знать, что мы в ответе за все наши поступки. Жалость – понятие субъективно. Объективно же зло было совершено с обеих сторон.

Хан хмыкнул:

– Вот кто бы говорил. Сама же вмешивалась. Помогала. Это объективно? Это не жалость?

– Нет. Это необходимость. У этого мира осталось мало времени. Мы не можем терять его еще на одно воплощение. И Лала знала это заранее и шла на эти испытания осознанно.

– Я буду осторожна, дорогая. Большие не повторится. – Жанна мягко коснулась руки женщины с белыми волосами. – Спокойно. Мы держимся. А Птица вернется. Она еще не проснулась, потому ей тяжелее, чем нам.

За окном стремительно наступил вечер. Исчезло поле, солнце и дальний лес. Вокруг дома была только ночь со звездами и тремя сияющими лунами. И дом этот, постоянно меняющийся, пропадающий и появляющийся в разных местах, наверное, со стороны тоже был похож на небольшую теплую луну, воздушным шариком парящую над этой землей, словно привязанную к ней невидимой нитью. Без возможности лететь туда, куда хочется.

Родственные души

Я часто задаю себе вопрос: а если бы я *ТОГДА* знала, где он был и кем он был, жила бы я по-другому или все было бы так же, как и было? Этого я никогда не узнаю.

Услышав от Натальи «ты его обязательно найдешь» и снова увидев его в своих снах, которые были такими явственными, что казались мне более реальными, чем моя нереальная жизнь, я снова смогла улыбаться солнцу, я снова смогла с надеждой смотреть в будущее, я могла жить, могла дышать. А мои глаза снова привычно скользили по лицам людей в поисках его глаз. Это вы теперь понимаете, что это было напрасно. Но я же ничего не знала, да и знать не могла.

Звал ли он меня? Видел ли он меня во сне? Чувствовал ли он меня незримо? Неосознанно? Была ли в нем какая-то часть его древней сущности, которая помнила обо мне и ждала меня? Думаю, да. Но у мужчин это проявлено, конечно же, намного меньше. Да и его безумный ритм жизни, наверное, не оставлял ему места для того, чтобы заглянуть глубоко в себя. Или я опять ищу оправдания для тех, кого люблю.

Но я ждала. Я искала.

Шли годы, а его все не было.

В 26 лет я закончила университет и поступила в аспирантуру. Мне очень сильно повезло, так как вскоре я смогла

устроиться работать переводчицей в одну из туристических фирм. Мой родной город был всегда популярен среди туристов-иностранцев, а мое образование и прекрасный английский язык позволили мне стать переводчицей для зарубежных туристических групп. Их возили по городу, по самым красивым и интересным местам. Гид рассказывал об этих местах удивительные истории, а я переводила. Эта работа была для меня истинной радостью, так как я обожаю музеи, особенно те, где хранятся различные древние артефакты, которых в нашем городе предостаточно. В одной такой группе я и встретила своего второго мужа и отца моих двух сыновей.

Знаете, есть понятие о Близнецовых Пламенах. Это один Дух, который воплощается в двух физических телах. Но есть еще Кармические партнеры. Это души, которые в своем физическом воплощении встречались не в одной жизни, а во многих. Между ними могло быть как хорошее, так и не очень. Они могли как любить друг друга, так и ненавидеть. Как делать друг друга счастливыми, так и глубоко несчастными. Но есть и еще одно понятие. Родственные души. И если Пламена – это одно яблоко, разрезанное пополам, то Родственные души – это яблоки с одного и того же дерева и с одной и той же ветки. Мой будущий муж и отец моих сыновей и был в моей жизни той самой Родственной Душой.

А встретились мы так: однажды утром моя группа туристов собралась около большого экскурсионного автобуса для того, чтобы отправиться смотреть достопримечательности.

Один человек из группы немного опаздывал, и мы ждали, когда же он, наконец, присоединится к нам.

– Ах! Вот он идет! – сказал кто-то.

Я обернулась. В лучах утреннего майского, ласкового солнца он шел по направлению ко мне широким уверенным шагом. Высокий, широкоплечий, с улыбкой, которая могла бы растопить айсберг, он казался органической частью этого самого майского утра. Как ветерок, как запах листвы. И в тот же миг как я его увидела, у меня возникло странное ощущение *абсолютного ПОКОЯ* и защищенности. Казалось, что рядом с этим незнакомым мужчиной со мной вообще не может произойти абсолютно ничего плохого.

С того самого мига и по сегодняшний день прошло много лет. А я все так же чувствую себя в полной безопасности тогда, когда он находится рядом со мной.

Наверное, нельзя назвать его громким словом «ангел во плоти», но именно это мне приходит в голову, когда я думаю о нем. У него удивительные глаза. Серо-синие, очень чистые и совершенно ангельские. Кажется, что он не может ни сердиться, ни ненавидеть, ни причинить кому-то боль. Наш второй сынок Николас унаследовал точно такие же глаза.

Джозеф, а именно так его звали, был словно живая вода на мои хоть и затянувшиеся, но все еще весьма болезненные раны. Да, увы, они все еще болели. Они все еще кровоточили. Но мне было удивительно тепло и спокойно рядом с этим мужчиной. словно после песчаной бури или страшного

урагана, или после скитания по зимнему промозглому лесу я вдруг вышла к маленькой избушке. Мне открыли двери и, не задавая совершенно никаких вопросов, укутали в шерстяной плед, усадили поближе к пылающему жаром камину, и в руки дали огромную чашку ароматного горячего шоколада. И больше не надо скитаться по лесу сквозь ветер и вьюгу, мерзнуть от холода, мокнуть под проливными дождями. Теперь мне будет тепло и спокойно. Никто больше не обидит меня. Никто больше не посмеет.

Он ничего не требовал. Ничего не просил. Он просто любил меня. Просто любил, чуть ли не с первой секунды, как увидел. Любовь светилась в его глазах даже если он не произносил ни единого слова.

В Одессе он пробыл всего две недели. Мы подолгу гуляли по городу, несколько раз ходили на его любимый балет «Щелкунчик». Тогда я не знала, что в Америке и в помине нет таких театров и таких постановок. Что даже когда Балетная труппа приезжает на гастроли в Штаты, на сцене нет почти никаких декораций, и билеты стоят баснословные деньги. Тогда об Америке мы имели весьма и весьма смутное представление.

Я же почти выросла в этом самом театре. Роскошнейший, сказочный, волшебный Театр Оперы и Балета. Визитная карточка моего родного города. Ходили мы так же и в Филармонию слушать классическую музыку. Подолгу вдвоем бродили по паркам и музеям. Меня глубоко поразил его интеллект,

но более всего мое сердце было тронуто его невероятнейшей нежностью и деликатностью, с которыми он обращался со мной. Я словно была хрупкой стеклянной статуэткой, и он старался делать все, чтобы меня не разбить. Он и смотрел на меня как на ангела, на небесное существо, упавшее нечаянно с облака. Он смотрит на меня так же до сих пор.

Джозеф рассказывал мне о своей семье, о том, сколько стран ему удалось повидать во время службы (а был он американским морским офицером, но в военных действиях никогда не участвовал, а служил, как это называется «на гражданке»). Как инженер, он был ответственен за строительство различных военных объектов и содержания их в должном виде. Он обладал и обладает совершенно удивительным чувством юмора. Мне казалось, что за всю свою жизнь я не смеялась столько, сколько рядом с ним. Он как будто почувствовал, что было в моей жизни нечто, что меня сломало. Если не полностью, то, по крайней мере, в значительной мере. Я уж не знаю, что он такого во мне увидел, но за два дня до своего отлета домой он просто вытащил из кармана колечко и надел его мне на палец. Нет, он не спрашивал меня, выйду ли я за него замуж. Он просто надел мне кольцо и сказал:

– Я знаю, что ты та, которую я искал. Я знаю, что, кроме тебя, нет и не может быть для меня никого другого. Ты можешь думать так долго, сколько тебе понадобится. Просто знай, что я буду ждать.

И вот тогда я решила ему все рассказать. Я не чувствовала

никакого права что-то скрывать от человека, который обращался со мной так, как никто и никогда в моей жизни.

Я рассказала ему все. И о том, кого я жду и ищу. И о том, каково было мое детство и юность. И о своем страшном и нелепом браке. Я все ему рассказала. Мне почему-то казалось, что это должно его испугать, оттолкнуть от меня. Я рассказала ему о своих странных, с точки зрения нормальных людей, способностях, о том, что могу видеть то, чего другие не видят, или не хотят видеть, или попросту боятся. Или более того, во что не верят. Я ожидала, что он решит не брать в жены такую странную женщину. Но я ошибалась. Его это никак не отпугнуло. Он любил меня, и принимал меня такой, какая я была. Он просто любил меня без каких бы то ни было условий.

И тогда я решила так: я даю себе срок в один год. Если я не найду *ЕГО* за этот год, то Джозеф станет моим мужем, и я уеду к нему.

Мое сердце и моя душа хотели найти *его* и быть *с ним!* Но годы шли, и этого не происходило! Что же я могла поделать? Сколько еще искать и ждать его, неужели каждую минуту, каждую секунду своей земной жизни? Годы и годы?

Я была просто женщиной, уставшей от одиночества, от боли, от тяжелой физической работы, от неопределенности будущего моей бедной страны, от неприятия меня окружающими людьми...

Но было и еще нечто, чего моя душа страстно хотела.

Я хотела иметь детей. Я хотела иметь семью. В моей жизни никогда не было отца. Не было того сильного и доброго, в кольцо рук которого, я могла бы спрятаться от бед и тревог. Исцелиться. Согреться.

Джозеф имел ауру теплого, доброго весеннего солнца. Когда он обнимал меня, мне казалось, что ни беда, ни горе, ни печаль меня даже близко не коснутся. Мне было так тепло и спокойно в его руках. Интуитивно я также понимала, что он был послан мне неспроста. В мое сердце начала закрадываться холодная и причиняющая острую боль мысль: *«А что если его, того самого из моих снов, я НИКОГДА не найду?»*

Я не хотела позволять этой мысли подчинить себе мое сердце, но и полностью отмахиваться от нее я тоже не могла. Меня начали грызть сомнения. Кто он? Этот мужчина, чьи глаза я вижу с детства, и кого ищущу? Если мне суждено найти его и быть с ним, почему я до сих пор его не нашла? Или почему Он не нашел меня? Да есть ли он вообще? Нет, я знала, **ЗНАЛА** что он есть, *но ГДЕ?* И сколько еще мне ждать, искать, надеяться?

Мне скоро исполнится 27 лет, *но я так и не нашла его!* А что если и не найду? Что, если я обречена на полное одиночество на всю свою оставшуюся жизнь?

Мысль об одиночестве меня не особо пугала. Я всегда любила быть одна, если меня не обижали, не причиняли мне боль, и я могла мечтать, читать, говорить со звездами или петь. Но мысль о том, что мне не быть матерью, поистине

убивала меня.

Материнский инстинкт во мне был развит ровно столько, сколько я существую! Я понимала, что такого, как Джозеф, судьба мне еще раз не подарит!

Но в то же время я хотела быть верна самой себе. Я не хотела повторить ошибку своего первого брака. Поэтому дала себе один год.

А где же на тот момент был мой Пламенный Близнец? Тот, кого я искала и кого ждала?

А на момент всех этих событий мой Фархан Али был в зените своей славы. Знал ли он о моем существовании? Разве что где-то там, глубоко внутри. На дне сна или души. *На Границе миров. На границе жизней. На пересечении осознанного и неосознанного.*

Надеюсь, что в глубине своей родовой памяти он все же знал. У людей, являющихся Близнецовым Пламенем, одна душа, поэтому незримо они всегда вместе. Но реальная, земная жизнь, особенно такая, как у него, вряд ли давала ему хоть малейший шанс это понять.

А пока... Прошел год. Зимой я уехала во Флориду и вышла замуж. Мой муж, после женитьбы на мне, стал еще более нежным, трепетным и терпеливым. Он, как это говорят у нас «сдувал с меня пылинки». Он словно не мог поверить, что я наконец стала его женой.

Я же действительно стала ему примерной супругой, и так как разрешения на работу у меня все еще не было, я с энту-

взаимом играла роль хлопотливой и рачительной хозяйки и получала от этого удовольствие. Мой прекрасный муж до 38 лет был холостяком, и не знал, что, оказывается, существуют такие женщины, которые умеют готовить. Притом делают это каждый день. Мне было удивительно и радостно видеть его потрясенное лицо, когда он возвращался домой с работы к накрытому столу и запаху свежее испеченного хлеба. Мне было в удовольствие доставлять ему радость. Он очень любил и уважал меня. Но у нас это было взаимно. Я точно так же смотрела на него, как и он на меня: как на Ангела и на Спасителя. После всего ужаса, пережитого мною, мне трудно было поверить в то, что существуют нежные мужчины, добрая дружба и ощущение тепла семьи и защищенности.

Вы спросите, любила ли я его. Да, я его любила. Но не той любовью, какой женщина любит мужчину. Я была ему беспрельдно, бесконечно благодарна. Я искренне восхищалась им, уважала его, ценила его. И все это сохранилось между нами и по сей день. Я воспринимала его как сокровище, доставшееся мне в подарок за мою тяжелую жизнь. Можно ли это назвать любовью? Думаю, что да! Это другая Любовь, как я понимаю сейчас. *Джозеф – это моя Родственная Душа.* Он был послан мне для того, чтобы быть мне опорой и защитой, он стал тем, кто исцелил мои раны. И самое важное: он был послан для того, чтобы стать отцом моих сыновей.

Да, это Любовь! Любовь другая. Но это тоже Любовь! И я была и остаюсь бесконечно благодарной ему за тот каждый

миг, что он любил и опекал меня.

Буквально спустя месяц после нашей женитьбы я узнала, что беременна. Беременность протекала тяжело, но вместе мы справлялись, а перед рождением моего старшего сына Армана к нам приехала моя мама мне в помощь, да так с нами и осталась уже навсегда.

Родился Арман. Мой маленький Скорпиончик. Смуглый (почему смуглый, поймете попозже), черноволосый, темноглазый. Удивительно красивый буквально с первой секунды появления на свет. Но не прошло и двух месяцев с его рождения, как выясняется что я снова беременна. Вторым рождается мой сыночек Николас. Платиновый блондин с серо-голубыми глазами, как у отца. Таких детей здесь в Америке называют «ирландские близнецы», то есть между моими детьми всего около года разницы.

Но они настолько разные, насколько это вообще можно себе представить. И при этом до невозможности привязаны друг к другу. Я до сих пор со смехом вспоминаю те времена, когда я сажала их в коляску для двойняшек и ходила с ними гулять.

Один смуглый, черноглазый, жгучий брюнет. Маленький мачо и сердцеед! Серьезный, с пронзительным взглядом исподлобья. Типичный взгляд для Скорпиончика. И рядом его братишка, белокожий, сероглазый, платиновый блондин. Контраст был настолько удивительный, что не улыбнуться, глядя на них, было невозможно. Люди часто задавали мне

одни и те же вопросы.

– Они братья?

– Конечно, – отвечала я.

– У них разные отцы?

– Нет, у них один отец.

– Ах... Вы усыновили того что беленький?

– Нет, я родила их обоих...

Увы, маленький Николас не взял от меня внешне абсолютно ничего. Но зато характеры у нас совершенно одинаковые. К моему счастью и к моей же печали (потому что я знаю, как нелегко таким приходится в жизни), Ники был и есть ребенок индиго. Думаю, это наша семейная традиция – иметь трудного и талантливого ребенка, или даже не одного. И в этой самой истории он сыграет огромную роль. Одну из ключевых, скажем так. Но об этом будет сказано позже.

Итак, у меня родилось двое сыновей. Течение моей жизни было обычным и спокойным. Жизнь жены и матери. Когда Арману было три года а Ники – два, я пошла работать, так как жить всего на одну зарплату было очень и очень тяжело.

Найти работу по специальности не представлялось возможным. Нужно было доучиваться около двух лет, для того чтобы получить право преподавать либо философию, либо иностранные языки.

Мой диплом был эвалюирован в степень Бакалавра. Для преподавания этого было недостаточно. Для того, чтобы доучиться, нужно было брать студенческий заем в десятки ты-

сяч долларов. У меня на это никогда не хватало смелости. Наше финансовое положение было таковым, что мне нужно было не учиться, а быстрее искать хоть какую-нибудь работу. Но и с этим были проблемы. Никто не хотел нанимать человека, не имеющего опыта работы в стране. Но мне опять повезло. Я вспомнила свое старое увлечение. Преображение внешности с помощью грима. Увидев несколько раз, как работают гримеры на Одесской киностудии, я увлеклась этим еще с юности. Меня поражало, как можно преобразить человека, умея использовать декоративную косметику.

Я часто подрабатывала тем, что делала макияж невестам, выпускницам и именинницам. У меня к этому был талант. Мне удалось найти работу именно в этой области. Это был огромный отдел косметики в Торговом центре, неподалеку от того места, где мы жили. Я начала там работать, и финансово это здорово помогало нашей семье.

Я была примерной женой и матерью, трудилась на работе, работала дома. Но...

Я так и не перестала искать *ЕГО ГЛАЗА*. Я продолжала видеть их во сне. Печальными, веселыми, смеющимися, задумчивыми. Я знала каждую их ресницу. У него странные ресницы. Длинные и густые, но не завернутые кверху, как у большинства людей, а прямые. Если он моргал или закрывал глаза, они почти лежали на его щеках. Я знала, что узнаю их из миллиона! Узнаю в тот же миг, как только увижу. Но увидеть мне их предстояло еще не скоро.

Мой переезд в другую страну, брак, рождение моих сыновей, совершенно новая для меня жизнь – все эти события никак не повлияли на ту невидимую нить, которая связывала меня с ним. Никак.

Моя жизнь, как и раньше, продолжалась в моем сканировании лиц людей и поисках *Его* глаз. Какая же странная судьба! Странная. Моментами нелепая. Грустная.

Но есть в ней и какая-то печальная красота. Есть в ней и что-то вечное. Непреходящее. Немеркнувшее. Может быть... Настоящая любовь?

Надеялась ли я на то, что мой прекрасный муж и дети, моя работа и моя жизнь отвлекут меня как-то от мыслей о Нем и поиска его? Да, надеялась. Но этого не произошло. Это жило со мной, существовало во мне, дышало со мною. *Это было частью меня.* Что я могла с этим поделать? **НИЧЕГО.**

Годы шли. Во мне крепло и росло чувство вины по отношению к моему прекрасному мужу. Мне начинало казаться, что он был бы гораздо счастливее без меня. Все больше и больше я понимала, что *ЕГО* я не перестану искать никогда. И ждать *ЕГО* тоже никогда не перестану. С каждым проходящим годом я убеждалась в этом все сильнее и сильнее. И тем сильнее мне казалось, что мой муж заслуживает Настоящей Большой Любви!

Он заслуживает того, чтобы быть с женщиной, которая бы глубоко и страстно любила его. Я пыталась говорить ему об этом, но в ответ он только улыбался. Я знала, что во многом я

была для него абсолютно непонятна. Я все больше и больше убеждала себя в том, что ему нужна женщина его культуры. Женщина, которая любила бы то, что любит он. Американский футбол и стейк, тяжелый рок и гамбургеры, куриные крылышки и американские тв-шоу. Мы никогда не ругались, никогда не спорили. Было и еще кое-что. Он и был и остается красивым, здоровым мужчиной. И у него была любимая законная жена. Я. Но проблема была в том, что после рождения сыновей я больше не могла заставить себя выполнять тот самый пресловутый «супружеский долг».

Сначала я ссылалась на бессонные ночи с детьми, на усталость, на все что угодно. Он же всегда относился ко мне с величайшей нежностью, и прекрасно понимал, что я просто не хочу этого. Или не могу. Или не хочу и не могу одновременно.

Любой на его месте потребовал бы каких-то объяснений. Но только не он. Он никогда ни словом, ни делом меня не упрекнул. Он считал, что если я захочу, то приду к нему сама. Но шло время, и этого не происходило. Он спал на кровати в спальне, а я на диване в гостиной. И это также бесконечным грузом вины давило мое сердце.

Мы стали жить, как брат с сестрой. Мы смеялись, шутили, водили детей в парк, отмечали семейные праздники. Мы жили вместе. Но не спали вместе. Так прошло около пяти лет.

И наконец, я четко определилась, что я должна его отпустить и дать ему возможность быть по-настоящему счастли-

вым. Я сказала себе, что просто *НЕ ИМЕЮ ПРАВА* держать его возле себя! Ведь возможно где-то там есть его настоящая любовь, замечательная женщина, которая станет ему настоящей женой. Любящей, понятной и понимающей, страстной и домашней. Такой, какой я не была.

В 2008 году я попросила его о разводе. Как это было и раньше, он согласился на это, потому что я так хотела. Мы тихо развелись, и, как это ни странно, наши отношения *НИКАК* не изменились. Наши дети 10 лет не знали о том, что мы разведены. Еще до развода у нас неоднократно были разговоры о том, что скоро детям идти в школу, и Майами – чуть ли не самое ужасное место для этого.

Нужно было переезжать на север штата, где школы были получше. Так мы и поступили. Найдя городок, где начальные школы были в двадцатке самых лучших в стране, сразу после развода я переехала на север штата Флорида. В городок Палм Кост (Пальмовое Побережье). И так как работы в той сфере, где работал мой муж, на новом месте попросту не оказалось, ему пришлось остаться в Майами. И детям мы так и сказали, что, мол, переезд нужен для того, чтобы вы пошли в хорошую школу, а папа должен остаться, поскольку у него в Майами очень важная работа! Но он будет приезжать к нам регулярно. Так и произошло. Джозеф стал приезжать к нам каждые две недели.

Что касается меня, то после развода я сполна нахлебалась и последствий новоприобретенного статуса матери-одинач-

ки, и неравноценной оплаты за труд, и безработицы...

Хорошие школы были, а работы практически не было, если же удавалось что-то найти, то потом я выясняла, что платят здесь чуть ли не половину того, что платили в Майами. Я опять взяла на себя ответственность за мое будущее, и опять выбрала бедность, незащищенность и трудности.

Не раз задумывалась я о том, что неспроста жизнь моя, судьба или мой ангел-хранитель расставляют мне ловушки, ставят бетонные стены, заполняют рвы мутной водой и в противовес показывают ровный и спокойный путь. Но я в очередной раз снова и снова выбираю рвы и стены, ухабы, рывины, тяжелый заработок, одиночество и обособленность от людей... Непонятный и сложный квест, который я проходила всю мою жизнь.

К сожалению, поначалу найти работу не удавалось вообще. Так было почти восемь месяцев. А потом чудом удалось устроиться на кассу в супермаркете. Конечно, это было совсем не то, что я хотела. Но выбора другого у меня попросту не было. Работа была нервная, тяжелая, а платили сущие копейки. Но все же это была работа. Жаловаться было некогда. Да и не было в этом никакого смысла. Я просто делала то, что должна была делать. Опускать руки и сдаваться у меня не было права. У меня было двое детей и моя мама, которая после всех этих трудных лет приехала жить с нами. О них нужно было заботиться. Наверное, это и была моя обязанность на этот момент: создать себе дополнительные трудно-

сти и гордо их преодолевать, чувствуя себя правой, сильной и гордой...

Я стала все чаще и чаще видеть его во сне. Иногда каждый день. Это послужило мне своеобразным знаком. Может ли быть такое, что он где-то рядом? Возможно, это значило то, что все же в каком-то близком и обозримом будущем я найду его? Или Он найдет меня? Может, я должна что-то сделать для этого? Но что?

Я почему-то решила, что для того, чтобы найти его, я должна его *ЗАСЛУЖИТЬ*. *Выпросить, вымолить и заслужить*. Я пыталась потом анализировать, почему, зная, что где-то живет моя половинка, я просто не ожидала его, как равная. Не положила на судьбу. Не обратилась к Нему мысленно, не просила его о встрече. Почему я, назвав себя плохой, пыталась потом себя улучшить, сделать хорошей, достойной.

Полагаю, это плакала одинокая, высмеиваемая всеми и обижаемая всеми душа Маленькой Аллы, зная уже, что в этой жизни хорошее просто так не дается. Плакала и искала возможность не взять, не получить, *а заслужить*. Заработать. Как обычно. Подкупала судьбу? Как истязавшего меня брата – сладкой булочкой, купленной на деньги от моего завтрака? Наверное, так и было.

Я стала вегетарианкой, а потом и веганом. Никаких мужчин у меня не было и в помине, да и не могло быть. Моя жизнь состояла из двух частей. Работа и Дом. Дом и работа.

Я нигде не была с 2001 года, с того самого дня, как я приехала во Флориду. Я терпеливо искала и ждала *его*. Но снова и снова, маршируя четкими однообразными рядами, мимо меня проходили недели, месяцы и годы. А Его все так же нигде не было.

По воле Судьбы

И вот наступил 2014 год. Страшный год потерь...

Нет! Мои беды начались немного раньше. В конце две тысячи тринадцатого года я едва не потеряла свою мать. Но мама выжила. Ее силе и жажде жизни позавидовал бы сам Геркулес.

Когда она лежала в больнице, один из врачей по моей просьбе согласился написать письмо в Посольство Соединенных Штатов, для того, чтобы моим братьям позволили приехать и повидаться с ней, потому как она была в очень тяжелом состоянии. И вот произошло чудо. Моим братьям дали визу в Штаты, и не только им, но и жене моего старшего брата, Наташе.

Я знала ее с пятилетнего возраста. Это был удивительный человек, без которого свою жизнь я представляла себе очень плохо. И вот, буквально месяц спустя после запроса, они все приехали. Наташа, мои оба брата, мой дядя Анатолий (родной брат моей мамы). Они приехали все! И это сотворило настоящее чудо. К удивлению врачей, наша мама начала выздоравливать не по дням, а по часам. Через неделю она уже была дома, окруженная всей своей родней. Встреча Нового года была одним из самых счастливых событий в моей жизни. За круглым столом собралась вся семья. Мы все хоть и регулярно общались с помощью скайпа, но не виделись друг

с другом долгих шесть лет. Бой курантов на канале «НТВ Америка» возвестил о наступлении Нового 2014 года. Дети чокались с нами безалкогольным шампанским и вопили: «С Новым Годом!». Мы обнимались, смеялись, пили шампанское и строили планы на будущее. Старший брат мечтал о том, как будет ездить по Америке на огромном грузовике! Наташа говорила, что будет всюду сопровождать его, и они увидят Ниагарский Водопад и Красные скалы Аризоны, и еще много интереснейших мест. Алексей, мой второй брат, мечтал почему-то жить в Сан-Диего, где у него жил друг, давным-давно уехавший в Штаты. Он говорил, что у него будет своя картинная галерея, а его картины будут известны во всем мире, и организаторы выставок во всех странах будут просто стоять в очередь за его шедеврами.

Что касается меня, то я, конечно же, мечтала о том, что найду *его*. И именно этой мечте, наконец, и суждено было осуществиться в этом Новом, страшном 2014 году. Но, увы я и понятия не имела как это будет. *Никто... НИКТО* из нас даже предположить не мог, что это был последний раз, когда мы собирались вот так все вместе.

Месяц спустя они все уехали обратно домой в Одессу. И прямо за день до отъезда, поздно ночью, я рассказала Наташе свою страшную тайну. Историю о Его глазах.

Мы долго, долго разговаривали. Почти до самого утра. Утром я отвезла их в международный аэропорт Орlando. Уже перед входом в самолет она вдруг обернулась и снова,

еще раз, очень крепко обняла меня.

– *Ты найдешь его! Скоро найдешь! Я знаю это! Я точно Знаю!* – сказала она, улыбнулась и ушла. Ушла в Вечность.

Знала ли она на самом деле о том, что я действительно найду его, буквально через несколько месяцев? Сказала ли она мне это, потому что сама уже стояла на границе двух миров? Почувствовала ли она, что это действительно произойдет очень скоро? Или же она сказала это для того, чтобы утешить меня? Я не знаю. И никогда не узнаю. Но произойдет именно то, что она сказала.

Несколько дней спустя, после того как они вернулись домой, Наташа ушла с этой Земли. Ушла и оставила в моем сердце ничем не заполняемую пустоту. Ушла неожиданно и внезапно. Рядом с ней прошла почти вся моя жизнь. Она была легким и светлым человеком. И рядом с ней всем тоже почему-то становилось легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.